

Кира Легран

ШАНС для злодейки

Кира Легран

Шанс для злодейки

«Литнет»

2024

Легран К.

Шанс для злодейки / К. Легран — «Литнет», 2024

Мало того, что я попаданка в чужом мире, так ещё и стала злодейкой! Обиженная жизнью девица натворила дел, а мне теперь разгребать... Попутно нужно отделаться от неверного жениха, спасти королевство от краха и — самое главное — никого не убить. Задача не из лёгких. И верховный маг, имеющий на меня свои планы, не делает её проще. Один его взгляд вызывает дрожь... Какая досада, что вместо послушной марионетки он получил меня! В тексте есть: • борьба характеров • исторический антураж • сложные чувства • счастливый финал **НОВИНКА:** Брачная аферистка в роли попаданки! —

© Легран К., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	26
Глава 11	28
Глава 12	31
Глава 13	33
Глава 14	34
Глава 15	35
Глава 16	37
Глава 17	40
Глава 18	42
Глава 19	44
Глава 20	46
Глава 21	50
Глава 22	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Глава 1

— Как ты могла? — Мой голос походил на змеиное шипение, царапал горло острыми когтями. — Я доверяла тебе больше, чем себе!

Слёзы по круглым щекам предательницы катились жемчужинами. Она прятала лицо за руками, стыд выедал глаза. Оцепеневший брат застыл изваянием. Ему сейчас так же больно, как мне? Его грудь тоже раздирает на куски?

— Я не хотела! — всхлипнула та, кого я считала подругой. — Но чувства... Моё сердце тянулось к нему, прости... Он пришёл ко мне и сказал, что никого больше не любил в жизни.

— Леонар мой жених. Мой жених!.. — Ногти впились в ладони, звериная ярость рвалась изнутри. Это предел. Это самый последний предел, за которым уже нет разума. — Ты вообще понимаешь, что это значит?

— Прости! Прости меня!..

— Я приходила к тебе за утешением, делилась тайнами, верила, что ты на моей стороне! А ты виделась с ним за моей спиной. Наверное, смешно вам было, да? Очень весело представлять, как я мечусь по комнате, гадая, чем не угодила ему в этот раз? Смеялись, а? Покажи, как громко, давай!

Она упала на колени. Жалкая, трясущаяся, с красными глазами. Это твоя любовь, Леонар? Это ничтожество, что предала меня и ударила в спину?

Чем она лучше меня?!

Взор заволокло красным. Не помня себя, я выхватила кинжал и бросилась, метя в рыдающее пятно. Всё, чего жаждало моё существо, это уничтожить её, стереть до основания, вычеркнуть из этого мира. Не будь кинжала, я бы рвала зубами!

Замах. Столкновение!

Я отступила.

То не стена выросла предо мной, как в древних сказках.

Брат держал рукоять. Почему она торчит из его груди? Почему его руки заливают багровым?

— Нет-нет-нет...

Я услышала голос отца сквозь сон. Он настойчиво звал кого-то, требуя подчиниться сию же секунду. Как обычно, подумала я с раздражением — и вздрогнула. На лбу выступил холодный пот.

Отца у меня никогда не было.

Вернее, биологический предок где-то шатался, но я его даже не видела. И никак не могла знать, что этот скрипучий баритон принадлежит ему. Но голову мою, вытесняя сонную муть, заполняло знание. Я чувствовала, кого увижу, когда открою глаза.

Не угадала.

Шевельнулись ресницы. Первым, кто попал в поле зрения, стал молодой человек. Высокая фигура застыла у окна, руки сжали резную спинку кресла. Лицо его было несколько деревянным и напоминало птицу: хищный нос, блестящие тёмные глаза и суровый очерк рта. К желтоватой коже совсем не шла белоснежная рубашка с кружевным воротом, делаая лицо восковым. «Брат», — подсказало новое знание внутри меня. Разум поплыл. Я схватилась за лоб, пытаюсь удержаться в сознании.

Братьев у меня не больше, чем отцов. Но вот он, стоит здесь, хмуро разглядывает из-под густых чёрных бровей. Я откуда-то знала, что бояться его не стоит, ведь Радвин всегда на моей стороне. В отличие от папеньки.

От прохладного воздуха мёрзли пальцы. Сбоку трещал огонь в камине, но тепла не хватало на большую комнату. Каша из воспоминаний медленно переваривалась, пока я моргала и пыталась понять, что же произошло. Дебет с кредитом не сходился: два плюс два равно четверг. Я понятия не имела, где нахожусь — и одновременно знала это так же хорошо, как число пальцев на ногах. Дом, милый дом. Родовое гнездо Вилфортов, поместье «Голубые холмы».

Первый страх вспыхнул и тут же рассеялся. Если я и сошла с ума, то это хотя бы что-то интересное, а не банальные голоса в голове.

Звук тяжёлых шагов вызвал массу эмоций. Первая из них — желание, чтобы этот человек прошёл мимо двери, дальше по коридору, пока не окажется на лестнице. И если он с этой лестницы случайно упадёт, горевать не стану.

Отец, не подозревая о том, в какое мысленное путешествие его отправили, вернулся в комнату. Седина отливала сталью в дневном свете, глубокие морщины превратили лицо старого герцога в маску презрения. На весь мир он смотрел так, будто тот невыносимо смердел — и мы с братом не были исключением. Радвин хотя бы мог продвинуться по службе, а я имела наглость родиться девчонкой. Только и пользы, что замуж выдать поудачнее.

— Айрис, — сказал он жёстко, глядя куда-то над моей головой, — твоя безалаберность перешла все мыслимые пределы. Разве я не велел оставить эти глупые эксперименты?

Голос хлестал плетью. Его излюбленная манера: задавать вопросы, ответ на которые он и так знает. Просто чтобы заставить человека почувствовать себя ещё хуже. Айрис Вилфорт, что теперь была частью меня, всегда хотела устроить бунт, но боялась отца до тряских коленей. И отголосок этого страха жил где-то во мне, противный, как заноза под ногтем.

— Возможно, — сказала я. Занозы стоит удалять, а не загонять ещё глубже. — Не припоминаю точно. Можете повторить весь текст дословно?

Радвин пошевелился. Для кого другого такое лёгкое изменение в лице означало бы намёк на удивление. Для него — было выражением крайнего шока. Отец вдруг подошёл ближе. Я невольно схватилась за одеяло и потянула вверх.

— Этот докторишка сказал, что последствия будут кратковременными, — оценивающий взгляд обжёг лицо, — на первый раз прошу твою дерзость. К вечеру ты должна укротить свой язык.

Более не проронив ни слова, он вышел из спальни. Я выдохнула и откинулась на подушки.

— Зря, — бросил Радвин, наконец-то отлипая от кресла, на которое опирался. — Он этого не забудет.

— Вы слишком много хотите от больной женщины, — отмахнулась я. — Скажи спасибо, что я не швыряюсь ночными горшками.

— Спасибо, — крайне серьёзно ответил брат, но глаза его смеялись. — Не лучший головной убор для выезда в город.

Он присел на краешек постели и неловко взял меня за руку, будто не вполне понимая, зачем это нужно. Милый Радвин, он всегда был несколько неуклюжим в том, как выражать привязанность. Я сжала пальцы в ответ — и вздрогнула.

Воспоминания о прошлом странным образом перекрыли воспоминания о будущем. Всё это уже было. Я знала, что случится дальше — и не могла дышать от нахлынувшего ужаса. Радвин, что сейчас пышет здоровьем и силой, однажды падёт от моей руки. Я зажмурилась, пытаюсь прогнать ужасное видение, но оно не думало исчезать: стилет вонзается прямо в сердце, и алая кровь заливают весь мир.

— Дрожишь, — глухо сказал брат. Обеспокоенность в его тоне делала боль невыносимой. — Доктор Эдден советовал дать тебе выспаться столько, сколько захочешь, так что мне стоит оставить тебя в покое. Спи, Рири, я скажу слугам тебя не тревожить.

Едва за ним закрылась дверь, я перевернулась и застонала в подушку. Волосы вставали дыбом от того, что вывалила на меня память этой Айрис.

Она не была милой и доброй девушкой с золотым сердцем. Нет, таковой была подруга её детства, Ханна Эплбри, любимая всеми вокруг. Зависть подтачивала сердце Айрис уже давно, но она бы простила ей этот успех, простила бы даже украденное сердце Радвина, с юных лет вздыхавшего по милашке Эплбри, но жизнь нанесла такой удар, от которого её терпение разлетелось на части. Её наречённый, герцог Леонар Олбридж, помолвка с которым была заключена их отцами, тоже не устоял перед кротостью и добротой Ханны.

И та, не будь душой, ответила ему взаимностью.

Чувства Айрис на секунду перекрыли мои. Эта смесь из ярости, боли и желания отомстить была такой едкой, что я закашлялась. Девушка не пустила дело на самотёк. Она пыталась испортить репутацию Ханны, чтобы ту отлучили от двора. Строила козни и плела заговоры. Обращалась к чёрной магии. Даже устроила похищение — но всё было зря. Её жених ослеп от любви и был готов расторгнуть помолвку, наплевав на то, что брошенная невеста будет покрыта несмываемым позором.

И тогда, обезумев от невыносимого отчаяния, Айрис бросилась на соперницу с ножом.

Но Радвин, глупый милый храбрый Радвин, брат, заменивший ей и бессердечного отца, и погибшую в родах мать, встал на пути клинка. Заслонила ту, что всегда любил. Рыдая над его телом, Айрис поклялась самыми страшными клятвами, что всё исправит.

Тело била мелкая дрожь. Я схватилась за шею, пронзённая картинами пережитого. Этим клятвам было не суждено сбыться, ведь несколько дней спустя братоубийцу казнили — и единственная милость, что была положена высокородной даме, это замена повешения на отсечение головы.

Неверными руками я вцепилась в графин с водой. Стуча зубами о стекло, стала глотать холодную воду, как заморённая лошадь. Всё это уже случилось, но, парадоксальным образом, ещё не произошло. Как же быть?

У меня было преимущество по сравнению с настоящей Айрис Вилфорт, герцогиней из «Голубых холмов». Мне плевать на разочарование отца. Плевать на неверного жениха. Я выросла в другом месте и времени, пусть и не смогу их назвать, и могла устроить жизнь иначе. Радвин не умрёт — во всяком случае, не по моей вине. И топор палача не коснётся этой шеи.

Успокоившись, я вылезла из постели. Разум прояснился, обстановка больше не казалась навеянной сном. Мебели здесь было не слишком много, ровно столько, чтобы удовлетворить насущные нужды. Усталая периной кровать, гардероб, сидячая ванна за ширмой, письменный стол. Ещё тройка кресел-близнецов и туалетный столик. На последнем теснились баночки с притираниями и флаконы душистой воды, но меня интересовало другое.

В небольшом, с ладошку, зеркальце отразилось осунувшееся лицо. Мы с Радвином были схожи и различны одновременно. Оба черноволосы, с золотистой кожей и резкими чертами, унаследованными от прародителей — по семейной легенде, драконья кровь текла в наших жилах. Я потыкала пальцем щёку, опасаясь нащупать чешую.

Глаза, светлым серебром горящие на лице, мне достались от матери. Сейчас они были запавшими, с тёмными полукружьями синяков. Последствия «безалаберности», как выразился папенька.

Именно сегодня был тот день, когда доведённая до белого каления Айрис впервые решила обратиться к чёрной магии. Но её способности были неразвиты, а тёмные дорожки не прощают дилетантов. Она едва не погибла, не сумев совладать с тем, что призвала.

День, когда всё покатилося к чертям.

— Дурочка, — сказала я отражению и показала язык. — Теперь моя очередь водить.

В душе поднималась уверенность, от которой не сиделось на месте. Вместо того, чтобы спускать собак на ни в чём не повинную Ханну, мне стоит устранить сам корень проблемы.

А именно — разорвать помолвку.

Глава 2

Воспоминания Айрис о женихе вызывали у меня рвотные позывы. Она была влюблена в него как кошка, а он... Словом, он вёл себя именно так, как всякий не обременённый совестью мужик, имеющий под рукой навязанную ему фанатку. С поправкой на положение и нравы — по крайней мере, он не мог использовать её в постели.

Зато мог заводить романы и любовниц попроще, ничуть того не скрывая. Потешался над ней, хоть в глаза, хоть за спиной. Герцог Олбридж срамословил, пряча оскорбления за иносказаниями. А невеста только улыбалась, прятала слёзы и ожидала, что всё это однажды сменится лаской. Она пыталась выпросить любовь терпением — не работало. Закатывала истерики, переходившие в обморок — с тем же успехом. С каждым днём камень на её сердце становился всё тяжелее.

Разбираясь в этом омерзительном клубке, я поняла, что Айрис не была такой уж непреходимой дурой. Просто этот надутый индюк был её единственной надеждой. Столько лет ожидания, столько фантазий о безоблачном будущем и доме, в котором её будут ценить. Она была зависима даже не от него, а от обещания любви, с которым не могла расстаться.

Что же, на меня эти сантименты не действовали.

Подумав, я решила не откладывать на завтра то, что можно уничтожить сегодня. Поковырявшись в связке очиненных перьев, я выудила самое длинное, развела порцию чернил и села за письмо. Движения были привычными, будто я уже делала это сотню раз. Если написать послание от своего имени, герцог Олбридж наверняка отправит его в камин. Но проигнорировать просьбу семьи он не сможет, страшась оскорбить моего папеньку.

Старательно поскрипывая пером, я набросала формальную просьбу о встрече, не уточняя её цель и участников. Местом была выбрана ресторация неподалёку отсюда. Владелец был хорошо осведомлён о том, как часто знать нуждается в уединении без лишних ушей. Я поёжилась, вдруг осознав, откуда знаю об этих укромных кабинетиках. Именно там Айрис планировала детали похищения. Вернее, будет планировать. Уф, голова кругом от этих временных парадоксов.

Отложив перо, я присыпала карточку мелким речным песком и встряхнула за уголки. Готово. Почерк был витиеватый, змеился хвостами и петлями. Полюбовавшись, я потрясла колокольчик с длинной ручкой. Мелодичный перезвон заполнил комнату.

Стук раздался едва ли не сразу. Дверь отворилась, впуская Эдну — мою единственную личную прислугу. Женщина самых средних лет, она казалась почти старухой из-за вечных забот, недосыпа и дрянной еды. Да и форменный серый чепец её не красил. Эдна стойко переносила приступы плохого настроения своей хозяйки, была терпелива и, что самое важное, не склонна трепать языком.

Я уложила карточку в конверт из тонкой бумаги и передала ей.

— Поезжай в имение Олбриджей и передай сэру Леонару лично в руки. Только не сообщай, что это от меня. — Вместе с конвертом в обветренные руки переключевала пара серебряных монет. — А на обратном пути можешь купить себе чего-нибудь в городе.

Эдна неуверенно улыбнулась.

— Леди Вилфорт, — начала она робко, — вы уверены, что стоит?..

Я подняла брови, и служанка тут же смешалась. Прежняя Айрис уже бы накричала на неё за такую вольность.

— Думаешь, я собираюсь проверить какую-нибудь глупость? — спросила я. — Буду вешаться ему на шею и умолять о любви?

Лицо её было столь красноречиво, что я рассмеялась.

— Эти письма добра не делают, — вздохнула Эдна, тщательно подбирая слова. — Одно расстройство и неприличие.

— Нет, с этими глупостями покончено. — Кажется, моё спокойствие здорово её удивило. — Просто сделай так, как я прошу. И сама всё увидишь.

— Слушаюсь, моя леди.

Отослав служанку, я подрядила пару горничных сменить постель и натаскать горячей воды в купальню. Айрис провалялась без сознания несколько суток, так что мытьё было не прихотью, а необходимостью. Вместо шампуня — брусок мыла, пахнувший лавандой и мятой. Вместо зубной пасты — буроватый порошок в костяной коробочке. Принюхавшись и растерев пальцами, я без проблем опознала в нём мел с истолчённой в пыль пряной гвоздикой. Зубной щётки рядом не оказалось, вместо неё лежал пучок лоскутков из грубого полотна. Берёшь, значит, мочишь такой лоскут, а потом натираешь зубы порошком, пока руки не отвалятся. Нашёлся даже местный дезодорант, смесь соды с крахмалом. От пота эта присыпка не спасала, но хоть вонять не буду.

Горничные, отчего-то, не спешили уходить. Дать им на чай? Содержание на Айрис выделялось приличное, но вот свободных денег у неё почти не было. А я и так сунула Эдне два серебряных... Похожие друг на друга, будто сёстры, горничные демонстрировали разный стиль ожидания: левая просто стояла, сложив руки на переднике, в то время как правая притоптывала в нетерпении и помахивала ковшом. Кажется, они хотели меня помыть.

Вспыхнув до корней волос, я вцепилась в воротничок сорочки так, будто её уже стаскивали. Чтобы какие-то незнакомые девицы меня мылом натирали? Нет, спасибо. Кажется, правую звали Джеммой, но я бы в таком вопросе на память Айрис полагаться не стала. Для неё даже Эдна была не совсем человеком, что уж говорить о девицах, с которыми она пересекалась раз в вечность.

— Можете идти, — велела я, косясь, как пугливая лошадь. — Настроение побыть одной.

Эти две перечить мне не осмелились. Только переглянулись, будто обменялись мыслями по воздуху: «А наша-то леди совсем ку-ку». Фыркнув, я закрыла за ними дверь и подперла креслом на всякий случай. А то мало ли, кому взбредёт в голову припереться в самый разгар купания.

Доставшееся мне тело было худым до болезненности, рёбра можно было пересчитать. Однажды горе-жених назвал Айрис коровой — и с тех пор она ела ровно столько, чтобы не протянуть ноги, отказывая себе во всём. Постоянный голод не прибавил ей ни доброты, ни сердечности. Испытывая злость на эту дурынду и жалость к ней одновременно, я пообещала нам обеим, что отныне не встану из-за стола, не поев как следует.

Я дважды промыла копну чёрных волос, сполоснула лимонной водой. Отёрла кожу грубой щёткой. Вода остывала быстро, так что расслабиться как следует не вышло, но вылезла я в куда лучшем настроении, чем была до этого. Заматавшись в приготовленную горничными простынь, я уселась к огню — просушить волосы и подумать, как бы всё получше организовать.

На столе размеренно капала клепсида — водяные часы, что были здесь в ходу вместо механических. До назначенной встречи оставалось ещё шесть часов. Мне хотелось не просто отделаться от герцога Олбриджа, как от репья на подоле, о нет. Я хотела распрощаться с ним так, чтобы он этот день каждый вечер перед сном вспоминал и скрипел зубами.

Глава 3

Ресторация занимала отдельное здание в два этажа — немыслимая роскошь для тесного центра города. Я даже задержалась, разглядывая мраморные колонны и барельеф с легендарным сюжетом похищения богини. Но долго глазеть мне не дали. Вышколенная прислуга встретила меня уже на пороге, да с таким восторгом, будто я лично спасла мамашу каждого. Ещё бы, дочь Третьего советника и богатейшего рода пожаловала. Для Айрис всё было привычно. Меня же раздражал этот селевой поток неестественных улыбок, расшаркиваний и заискивающих взглядов. Страх не потрафить такой важной шишке расходился от них, как круги по воде.

Я уже было подумала, что с таким кортежем вся моя конспирация полетит к чертям, но нет. Вместо того, чтобы вести меня через анфиладу залов на виду у всех, усатый метрдотель отступил за вазоны с экзотическими деревьями. Поглядывая по сторонам, он отворил с виду неприметную дверь в стене.

— Прошу, леди Вилфорт, — сказал он столь тихо, чтобы слышала только я.

— Ловко у вас тут всё устроено, — похвалила я, вступая в тускло освещённый коридорчик. — Популярная услуга, должно быть?

— Даже солнце нуждается в отдыхе от лишних глаз. — Вежливый, но уклончивый ответ подсказал, что никакие детали мне раскрывать не собираются.

Что же, тем лучше. Не болтают про других, значит, не сболтнут и про меня.

Коридорчик оканчивался лестницей, а та вывела нас к площадке с единственной дверью. Ни следа паутины и пыли, ковровая дорожка вычищена, дверная ручка натёрта до блеска. Здесь либо часто убирали, либо ходом регулярно пользовались.

Метрдотель пропустил меня в кабинет. Обставленный с большим вкусом, он вызывал желание задержаться подольше, согреться после холодного осеннего воздуха. Я подошла ближе к камину, попутно отметив, что здесь не было окон. Умно.

Тяжёлое платье так и вынуждало куда-нибудь присесть. Я опустилась в уютное кресло, с шелестом сменяя юбки.

— Меню...

— Нет, благодарю. — Я улыбнулась, стаскивая бархатные перчатки. — Боюсь, у меня не будет аппетита. От вас требуется лишь проводить герцога Олбриджа прямиком сюда.

— Понял, миледи. Будет исполнено в лучшем виде.

Ох, тяжело мне далась эта стойкость. Есть хотелось так, что даже круглые подушки-думки навевали ассоциации с леденцами. Но я подумала, что разделить трапезу с вероломным женишком — не тот досуг, которым я хочу закончить день. Поужинать можно и позже, не боясь, что случайно всадишь вилку в чью-то руку.

Хитрость сработала. Не зная, кто именно пригласил его на встречу, Леонар явился вовремя. И то, как исказилось его лицо при виде меня, так и кричало об обманутых ожиданиях.

— Ну привет, — сказала я, сладко улыбаясь. От предвкушения даже пальцы на ногах поджались, так не терпелось перейти к главному.

В мыслях Айрис образ жениха был какой-то расплывчатый. Они не так часто виделись, так что её воображение дорисовывало и улучшало забытое. Однако, я не могла отрицать — герцог был весьма хорош собой. Лет двадцати семи, в самом расцвете сил, он походил на молодого льва своими немного ленивыми движениями. Массивный подбородок, яркой синевы глаза. Кольца светлых кудрей уложили с продуманной небрежностью. Он всегда носил белый с золотом, фамильные цвета Олбриджей, и одевался по последней моде.

Ну прямо сраный принц из сказки. Ричард Наглая Морда.

Первая растерянность уступила место насмешливому выражению. С видом хозяина жизни он устроился в кресле напротив и уставился на меня, приподняв бровь. Стереть эту самодовольную улыбку хотелось так сильно, что я сцепила пальцы под прикрытием широких кружевных манжетов. Он знал, какое влияние оказывает на Айрис. Знал и упивался этим.

— И что же понадобилось моей драгоценной невесте? Давненько я не посещал представления, развлеките же меня своими глупостями.

Издёвка в голосе была такой неприкрытой, что я поморщилась. Мерзко это, так себя вести. Даже если он не любил её, хотя бы элементарную вежливость соблюдать стоило. Я не удержалась от крохотной шпильки:

— Ваша светлость испытывает недостаток в развлечениях? Как странно... Видно, бордели в наше время уже не те.

— Будто вы много о них знаете, — хмыкнул он, ничуть не смутившись. Он смерил меня взглядом, задержавшись на шее, а потом вдруг подался вперёд с препаскуднейшей ухмылочкой: — Или вы позвали меня сюда, чтобы продемонстрировать свои знания?

Вот, когда я пожалела, что отказалась от еды. Как бы гармонично смотрелась на нём супница! Леонар играл со мной, зная, что Айрис стерпит любую обиду. И что бы он ни сказал, что бы ни сделал, продолжит смотреть ему в рот влюблёнными глазами.

— Я позвала вас сюда, ваша светлость, — вкрадчиво сказала я, упиваясь каждым словом, — чтобы сообщить важную новость. Я разрываю нашу помолвку.

В повисшем молчании треск поленьев казался оглушительным.

— Чего? — брякнул сэр Леонар и застыл с открытым ртом.

Вид у него был преглупый.

Глава 4

Пальцы с ухоженными ногтями вцепились в ручки кресла так, будто мой жених боялся внезапно катапультироваться.

— У вас жар? — осведомился он довольно любезно. — С чего вдруг такие речи?

Было видно, что он не верит мне ни на грош. Я откинулась в кресле, наслаждаясь ситуацией. Представь себе, дружок, кому-то в этом мире ты тоже можешь быть не нужен.

— Поразмышляла о жизни на досуге. — Мой ответ был столь же любезен, аж зубы заломило от этой сахарности. — Знаете ли, можно прийти к любопытным выводам, если посмотреть на свою жизнь со стороны.

Герцог сощурился, рассматривая меня так, будто впервые видел. Ждал, наверное, что сейчас я разрыдаюсь и перестану ломать комедию. А потом буду вымаливать прощение за эту выходку. На коленях. Его взгляд я выдержала, даже не шелохнувшись.

— Мы не можем расторгнуть помолвку, — сказал он, убедившись, что никто не собирается идти на попятный. — Это просто чушь. Союз нужен нашим семьям.

Я цокнула языком, не в силах сдержать улыбку.

— Как разумны и практичны вы вдруг стали. Где же были эти прекрасные качества все эти годы? Вы упивались моими страданиями, унижали, играли чувствами, но ни разу не подумали, к каким последствиям это может привести? Игры кончились, сэр Леонар. И не в вашу пользу.

Он едва не вскочил с кресла, ошарашенный этой отповедью. Было заметно, что в его голове метались встревоженные мысли. Видеть его таким неуверенным мне нравилось куда больше. Чем больше он нервничал, тем спокойнее становилась я.

— Вы преувеличиваете, — наконец выдавил он, сжимая переносицу. — Не знаю, что за сплетен вы наслу...

— Даже не пытайтесь, — отрезала я, гневно сузив глаза. — Слышите меня? Я в своём уме и трезвой памяти, так что у вас не выйдет всё перевернуть с ног на голову. Зачем мне сплетни, когда вы и без них отлично справлялись? Взять хотя бы Великий бал в прошлом году, на котором вы не стеснясь поливали меня грязью.

— Я всего лишь сказал, что вы... не слишком образованны. Разве этим я погрешил против правды? — Он упрямо тряхнул головой, блестящие кудри рассыпались по плечам. — Вы же никогда не обременяли себя ни науками, ни книгами.

— Это из книг вы почерпнули такие изящные формулировки? Кажется, между «не слишком образованна» и «глупа, как курица с отрубленной башкой» всё же есть разница. Даже моего ума хватает, чтобы это осознать.

Он хотел что-то возразить, но я остановила его, вскинув ладонь:

— Довольно, сэр Леонар. Приберегите красноречие для какой-нибудь из тех девиц, к которым вы таскаетесь. Решение уже принято.

— Это просто безумие.

— Ах, ну чего ради вы так упираетесь? Вы же из кожи вон лезли, показывая, как не по душе вам такая супруга. Так празднуйте! Долгожданная свобода сама идёт вам в руки.

Отчего-то, никакой радости на породистом лице герцога Олбриджа не наблюдалось. Одно смятение. К такому повороту жизнь его не готовила. Может, он и правда был бы счастлив избавиться от Айрис, но тот факт, что она первая захотела это сделать, ударил его по самому чувствительному месту — раздутому самолюбию.

Прилипчивая слезливая девчонка, висевшая ярмом на шее, вдруг открылась с другой стороны. Держалась с достоинством, отстранённо, не давала сбить себя с толку. Даже манера

речи, даже взгляд её изменились. Всякий, кто достаточно хорошо знал сэра Леонара, понял бы, что тот до крайности заинтригован.

И это совсем не тот эффект, которого я добивалась.

— Вот что, — сказал он, пробарабанив по обивке какой-то марш, — уж не знаю, какая муха вас цапнула и за какое место, но так дела не делаются. И дело не в том, хочу я этого или нет. Мы не можем взять и самостоятельно всё отменить.

— Хо-хо, ещё как можем, — весело отозвалась я. Рассиживаться дольше не имело смысла, я поднялась, не намеренная задерживаться в этой чудесной компании. — Сэр Леонар, не думала, что вы настолько не самостоятельны. В ближайшее время мой отец оповестит вашего.

Герцог тоже встал. Синие глаза его блеснули, когда он шагнул ко мне и схватил за руку.

— Ваш отец никогда не пойдёт на это, он давно хотел заполучить корону на герб. Пусть мы уступаем вам в состоянии, но родовитостью-то превосходим.

— Если и так... — Я запнулась, захваченная врасплох его близостью. Хватка на моём запястье показалась кандалами. — Тогда ему придётся связать меня и приволочь на свадьбу лично, потому что своими ногами я и шага не сделаю. А вы не хуже меня знаете, дорогой сэр Леонар, что такого скандала он не допустит. Отмена помолвки куда меньшее из зол, чем опозориться на глазах у всего света.

Выдернув руку, я медленно отступила к дверям. Герцог выглядел так, будто в любую секунду мог начать крушить мебель. Дёргать льва за усы оказалось ужасно весело.

— И не думаете же вы всерьёз, что помимо вас мне не за кого выйти замуж? — припечатала я напоследок и выскользнула за дверь с грохочущим сердцем.

Глава 5

В одном герцог Наглая Морда был прав — Айрис действительно не обременяла себя науками. Для местного общества в порядке вещей, чтобы знатная леди знала только шаги в танцах, да парочку остроумных загадок. Гувернанток и учителей нанимали далеко не всем, до пансионеров пока не додумались. Даже магический дар развивать было не принято, как не принято даме фехтовать или упражняться в беге.

Смириться с таким раскладом? Вот уж нет. Скучные знания о мире всегда грозят выйти боком, а в моём случае и подавно. Зная скверный характер папеньки, может статься, что однажды из этого дома придётся бежать. Сверкая пятками и пробелами в образовании.

Библиотека в поместье больше напоминала музей — просторно, тихо, ничего не трогай. Вдоль стен теснились высокие шкафы с застеклёнными дверцами, но то была лишь обманка для взыскательного глаза. Только в паре из них были книги, в остальных сверкали гладкими боками фарфоровые статуэтки и теряли листья сухоцветы. Иметь библиотеку было престижно, а читать — не обязательно.

Здесь мне никто не мешал. Слугам и в голову не могло прийти, что госпожа вдруг ударилась в чтение, так что если меня кто и разыскивал, узнавала я об этом лишь перед сном. Отец же отбыл ко двору следующим утром, по обыкновению своему, даже не попрощавшись. Он и приезжал-то вовсе не за тем, чтобы справиться о здоровье дочери.

Радвин, к сожалению, тоже уехал. Служба в королевском парадном полку хотя и отличалась повышенной свободой, но надолго оставлять дворец он не мог. Его отпуска, да визиты на обед в парочку соседних поместий — вот и вся социальная жизнь Айрис до этих пор.

Трактаты по экономике и праву нагоняли уныние. У всех авторов был один и тот же недуг, заставляющий тратить десять слов там, где достаточно одного. Если судебные заседания проходят в том же духе, не завидую их участникам — самое простое дело займёт неделю.

Оставив попытки продрасть сквозь эти тернии, я сосредоточилась на истории. Чтение всё ещё больше напоминало работу, чем развлечение, но хотя бы принесло пользу. По вечерам, подкрепив силы пирогом с телятиной или куриной отбивной в хрустящих сухарях, я углублялась в дебри прошлого.

Легенда о драконах-прародителях оказалось вовсе и не выдумкой, а историческим фактом. Во всяком случае, по версии автора «Корня мира: изыскания о землях и династиях Великого Регелана в двадцати четырёх томах». Том, кстати, был только один, самый первый.

По нему выходило, что королевский род Регелана вёл отсчёт от особо крупного и злобного (выдающегося, одним словом) дракона. А потому право его на власть не может оспариваться, потомки должны почитаться, и вообще — сперва добейтесь.

Над этой частью я гнусно хихикала, отлично понимая, откуда растут уши. Автор с таким усердием расхваливал монарших особ, что так и слышался звон монет, рекою текущих в его кошель.

Вилфорты тоже упоминались, но вскользь, как одна из дальних побочных ветвей. Драконы были ребятами любвеобильными и заделывали детишек налево и направо.

Важно было не это. Все многочисленные потомки унаследовали способности к магии — и передали их дальше. Бастарды появлялись как грибы после дождя, с каждым поколением всё менее способные прикоснуться к «венам мира». Этим названием автор именовал пронизывающие мироздание потоки магической силы и сокрушался, что его современники лишь жалкое подобие магов древности. А раньше-то, раньше!.. И трава зеленее была, и масло жирнее, а маги сновали по воде, аки посуху.

— Пресвятые водомерки, — вздохнула я, откладывая книгу.

От тусклого света быстро уставали глаза. Огонёк свечи нервно дёргался, его отражения перемигивались в стёклах шкафов и окон. Айрис не учила магии, и сколько я ни пыталась нащупать эти самые «вены мира», только укреплялась в мысли, что это какой-то развод. Трудно научиться плавать, если всю жизнь проторчал в пустыне.

Из задумчивости меня вырвал шум снаружи. К дому подъехал конный, слуги затопали по этажам, поднялась суета. Кто мог пожаловать в такой час?

Глава 6

Забытую книгу перелистнул сквозняк. Я прилипла к окну, но всадник уже скрылся в доме, оставив коня слуге. Вороной мотал головой и громко фыркал, пока его вели к поилке.

— Айрис! — нетерпеливый зов разнёсся по этажу. — Быстрее спускайся!

Голос Радвина удалялся, он явно шёл к лестнице. Одной рукой я подхватила юбки, другой — свечу, и поспешила выйти к нему.

Глаза брата лихорадочно блестели, волосы были растрёпаны. Грудь в расстёгнутом кителе ходила ходуном, он ещё не отдышался от быстрой скачки. Я с тревогой подбежала ближе, и мы едва не столкнулись.

— Её величество разрешилась бременем, — сообщил он, — на завтра назначено празднество. Ты должна собраться и до рассвета выехать во дворец.

— Без проблем, — сказала я и прикусила щёку.

Проблемы-то как раз были, вся знать соберётся в одном месте. А значит, Ханна Эплбри, я и Радвин снова можем столкнуться. В прошлый раз это закончилось плачевно... Не говоря уже о том, что придётся терпеть компанию жениха.

— Что же будет... — вдруг прошептал Радвин.

Я вскинула глаза, ошарашенная. Неужели он тоже знал?.. Но нет. Треволнения брата хотя и уходили корнями в будущее, но были совсем о другом.

— Родился мальчик, — сказал он так тихо, чтобы никто из прислуги не услышал. Выдох щекотно коснулся уха. — Партия королевы не скрывает, что хочет возвести его на престол. Уже сегодня в кулуарах говорят, что кронпринц теряет сторонников, Рири, а это только начало.

Я достала платок и утёрла пот с его лба. Ситуация вырисовывалась не из приятных. Наша семья была в родстве с покойной королевой, первой супругой правящего короля и матерью кронпринца Эдельгара. При ней наше влияние возросло, по её протекции отец смог получить место в Совете и беспрепятственно скупать серебряные рудники. Это всё, что могла сообщить мне память Айрис. И такой малости было достаточно для понимания — если случится переворот, нам тоже придёт конец. А брат переживал ещё и за кронпринца, товарища в детских играх и друга во взрослой жизни.

— Король слаб, — продолжал Радвин, — лекари поддерживают в нём жизнь, но всем ясно, что счёт идёт на месяцы. А может и на недели.

— И что будет, когда он?..

— Смута.

Короткое слово скрипело виселицами, стучало топорами и лезвиями. Горло сдавил спазм. Будущее Айрис — моё будущее — снова окрашивалось кровью. Разорвать помолвку было мало, чтобы спастись. Наша судьба затягивалась петлёю, одним и тем же узлом, дёргая за который ты лишь затягиваешь туже.

Я думала, что попала сюда, чтобы исправить её ошибки. Глупые и жестокие, сотворённые в помутневшем рассудке. Но разве есть мирозданию дело до судьбы какой-то отдельной девчонки, пусть и знатной? Слишком мелко, чтобы вмешиваться.

Иное дело — междоусобная распря, способная изменить ход истории.

Жилистая рука тронула моё плечо.

— Какая ты бледная сделалась, как молоко... — Он обеспокоенно заглянул мне в лицо. — Вот я дурень, ты же только оправилась, а я такие вести на тебя вывалил. Ты хорошо ешь?

— Лучше, чем когда-либо, — хмыкнула я.

И то правда, Эдна не могла нарадоваться на мой воспрявший аппетит. Раньше ей приходилось хитростью и уговорами запихивать в госпожу хоть кусочек рябчика, а теперь та сама

требовала обед, да посытнее. Еда здесь была добротная и разнообразная, хотя и пресновата на мой вкус. Я подёргала Радвина за рукав, как в детстве:

— Поужинаешь со мной? Заодно убедишься.

Он не дал себя сдвинуть. Да и кто бы смог, парень вымахал за последние годы так, что большинству приходилось заирать голову в разговоре с ним. Он с явным неудовольствием обернулся на дверь.

— Не могу, нужно спешить обратно. Я вырвался всего на час, а нужно ещё заехать в «Четыре дуба», оповестить там всех... Пора мне, Рири. Ещё свидимся завтра.

Мы торопливо обнялись на прощание. Радвин слетел с крыльца, в мгновение ока вскочил в седло и был таков. Сейчас он доскачет до конца гравийной дорожки и свернёт к югу — там, среди густого парка вековых дубов, раскинулось имение Эплбри.

Я вышла следом, кутаясь в шелковистый палантин. Смотрела вперёд, пока тёмная фигурка не растворилась в сумерках, и пыталась связать воедино мысли. Трескучий их рой грозил разорвать мою голову в клочья.

В памяти Айрис королева родила близнецов.

Глава 7

Поспать удалось всего четыре часа, но проснулась я сама. Подскочила, как по будильнику. Голова была пустая, что пришлось очень кстати. Сны сбивали с толку, рисовали картины иной жизни, где здания до небес сверкали стеклом и металлом. Всякий раз это была одна и та же улица. Я шла по нагретому солнцем тротуару и знала, что сейчас что-то случится. Но всегда просыпалась за секунду до, холодея от страха.

Побудки эти порядочно раздражали. Если моя голова хотела что-то сообщить, ей следовало выбрать более приятный способ.

Я выбралась из-под тяжёлого одеяла и как следует потянулась, кряхтя, как старый диван. Волнение потихоньку давало о себе знать. Из-за помолвки длиною в жизнь Айрис не была представлена ко двору — обычай, намекающий, что женщин там ждут лишь в качестве потенциальных невест. А фрейлиной королевской семьи могла стать только замужняя, так что девчонка застряла между небом и землёй, и порога дворца ни разу не переступала. Кое-какие представления об этикете у неё имелись, но все они были умозрительными.

Репетируя, я присела в сложном поклоне, растягивая подол сорочки в стороны. Одну ногу требовалось вывести чуть вперёд, балансируя на другой. В первой попытке я едва не упала и заподозрила, что все эти правила нужны только для того, чтобы издеваться над придворными. Спину — гнуть. Носок — тянуть. И следить, чтобы лицо не перекошилось от натуги.

В этой позе жертвы этикета меня и застала Эдна. Она ничего не сказала, но так старательно прятала улыбку, что я махнула рукой на упражнения — авось, никакая монаршая особа ко мне не обратится.

Недостатка в платьях у Айрис не было, она питала прямо-таки одержимую страсть к одежде и тратилась на неё без оглядки на счета. Горничные приволокли гору оборок и лент, разложили на всех доступных поверхностях и в шесть рук принялись наряжать меня, будто куклу. От такой прыти я сперва опешила и сопротивлялась, но потом попривыкла. Корсажи щетинились таким количеством крючков и завязок, что одна бы я точно не справилась.

По правилам, надеть я могла только фамильные цвета Вилфортов: «свежий плод персика» и «небо над Инсборо». И если с персиком всё было ожидаемо — розово-золотистый оттенок, приятный глазу, — то «небо» меня удивило. Вместо голубого или синего ткани переливались серо-стальными тонами. Видимо, погода в Инсборо была хронически скверной.

Под придирчивым взором Эдны меня упаковывали в одно платье, потом распаковывали и повторяли со следующим. Ей всё не нравилось, а я молилась, чтобы нашлось хоть одно весом меньше двадцати килограммов. Как в этом скафандре из парчи, шёлка и металлоконструкций умудрялись танцевать — одному богу известно.

Каждое платье в действительности было двумя, а то и тремя, надевавшимися друг на друга так, чтобы из-под верхнего было видно части нижних. Переливались ряды нашитых бусин, превращавших корсажи в негнущуюся броню, шелестели банты и розы, скрученные из тончайшей серебряной проволоки. Взмокла я уже на второй примерке, к шестой едва стояла на ногах. Чем дольше на мне висели тяжеленные обручи криолина, тем больше я укреплялась во мнении, что их придумал мужчина. На такую пытку может обречь лишь тот, кому она не угрожает.

— Хватит. Я вам не рыцарь в латах, — заявила я, избавившись от очередного шедевра портняжного дела, — поищите что-нибудь, в чём можно хотя бы ходить.

— При дворе в моде пышные силуэты, — пискнула Джемма (всё-таки она и правда оказалась Джеммой).

Остальные согласно закивали. Я потёрла щёку, в задумчивости глядя на этот парад болванчиков. Проблема, что казалась им непреодолимой, мне виделась ерундовой. Люди так

боятся перемен, но им всё равно суждено происходить, снова и снова пробиваясь зелёными ростками. От задубелых наростов прошлого стоит избавляться — особенно, если они угрожают вашей жизни. Сформулировав эту мудрость, я легкомысленно дёрнула плечом:

— Если кто-то завёл одну моду, почему я не могу установить новую?

Дерзкая улыбка в отражении сделала бы честь любой разбойнице. Это и правда почти преступление, нагло выступить против общепринятой нормы. Меня запросто могли высмеять и сделать притчей во языцех.

Но Айрис и так годами закалялась терпеть насмешки, спасибо несдержанному на язык жениху. Эту броню не пробить жалкими придирками к форме юбки. А если я буду достаточно уверена, то смогу внушить всем, что именно так и надо. Моду устанавливают смелые.

Сказано — сделано. Не доверяя помощникам, которые встретили идею без особого энтузиазма, я взялась за дело сама.

И первым делом избавилась от кринолиновой клетки и пыточного корсета, что стискивал рёбра металлическими пластинами. Воздух ещё никогда не казался таким сладким.

— Три платья — просто чушь, чтобы сбыть побольше ткани, — пробормотала я, проводя раскопки в залежах одежды, — одно прекрасно справится. Что это тут у нас?.. О? О! Идите сюда, хочу примерить это.

Одного взгляда хватило, чтобы понять — это именно то, что нужно. Серый атлас с рельефными серебряными узорами и жёстким лифом смотрелся бы слишком строго, не будь у него вытачки, имитирующей юбку нижнего платья. Нежный персиковый шёлк спереди лежал мягкими складками. Отделяла их друг от друга тёмно-серая атласная лента, собранная мелкой волной. Такой же лентой были отделаны рукава, облегающие до локтя и конусом светлых кружев расходящиеся ниже.

Из-за лёгкости материалов и продуманного кроя вместо кринолина и фижм сгodiлась нижняя юбка из жёсткого полотна.

Я покрутилась у зеркала. Оттенки шли к моему лицу, фасон придавал силуэту изящества. Сдержанно, но без лишней простоты. Дорого, но без кричащей расточительности. Не стыдно и королю показаться.

Эдна недоверчиво сощурилась:

— Не так уж и плохо... То есть, — поправилась она, — вам всё к лицу, ваша светлость. Гарнитур леди Вилфорт подойдёт сюда как нельзя лучше.

Ну, гарнитур так гарнитур. Одна из горничных, пыхтя от натуги, притащила ларец из тёмного дерева. Под тяжёлой крышкой в чёрных бархатных гнёздах покоились украшения. Ряды подобранных одна к другой жемчужин переливались в свете камина. Светло-серые, они напоминали шарики перламутрового серебра — так и тянуло покатать в пальцах. Ожерелье, обнимающее шею, дополнительно украшала камья из нежно-розового камня. Резец мастера изящными линиями вывел на нём женский профиль.

Одно огорчение — серьги из гарнитура были тяжелы и оттягивали мочки. Но я подумала, что избавиться от них не составит сложности, и решила не спорить.

Помимо основного, в дорогу упаковали ещё два запасных платья. Это на случай, если моя неуклюжая светлость опрокинет на себя тарелку, оторвёт подол или загорится от свечи. Звучало как страшилка, которыми пугают детей, чтобы те не пачкали новую одежду, но я всё-таки решила быть осмотрительнее — самовозгораться в мои планы не входило.

Остальные сборы проходили вне поля моего зрения. Слуги носились по этажам, хлопали двери, набивался вещами дорожный сундук. Позже его сообщая водрузили на крышу кареты, ругаясь так, что отдельные выражения достигали окон второго этажа.

Пока горничные безжалостно трепали мне волосы, сооружая причёску, подали завтрак — если можно его так назвать. Чашка тёплого шоколада только раззадорила аппетит. Волосы опрыскивали лавандовой водой, накрутили на согретые в камине щипцы, взбили и собрали

кверху, позволив части локонов каскадом ниспадать сзади. Шпильки с шёлковыми цветами и жемчугом держали всё это великолепие, не давая развалиться.

Когда я поворачивала голову, волосы покачивались и легонько щекотали шею.

Эдна всё пыталась впихнуть мне под корсаж мешочки-саше, полные хрустящих лепестков, но их я решительно отвергла. Не хочу при ходьбе издавать звуки гербария. Да и лавандовая вода с ароматизацией справлялась превосходно, оповещая о моём присутствии всё живое в радиусе километра.

Ступая бальными туфельками по специально расстеленной дорожке, я торопливо перелазала в карету. Сухо покашливал кучер, проверяющий упряжь, в сумерках почти невидимый в своих тёмных одеждах. От утреннего холода стучали зубы, не спасал даже плотный шерстяной плащ. К счастью, Эдна жила на свете не первый день и тут же сунула мне в руки и под ноги грелки, набитые углями.

Небо над деревьями потихоньку серело, предвещая скорый рассвет, птицы вовсю распевались на разные голоса. Свистнул кучер, подзывая мальчишку-помощника. Карета качнулась, застучали копыта, и мы тронулись в путь.

Глава 8

Дорога была не слишком ровная. Я то задрёмывала, то выпадала в реальность, когда карету подбрасывало на очередном ухабе. Пара часов дороги в таком режиме принесла лёгкую тошноту, усугубляемую голодом.

— Надо было хоть пирожок взять, — заворчала я, кутаясь в плащ.

— Целый день столоваться будете, — возразила Эдна, — какой уж там пирожок. Её величество уж не поскупится на угощение, всё по высшему разряду.

— Так это потом, а я хочу сейча-а-а-ас...

Канючила я больше со скуки.

То, что творилось на дороге ко дворцу, можно было назвать одним словом: столпотворение. Мы попали в затор из экипажей, и теперь еле тащились, слушая, как посмеиваются и бранятся кучера. Запас остроумия у тех был неиссякаемый, а ругательств — и того больше.

Иногда карета вдруг подавалась рывком вперёд на несколько метров, давая надежду, но тут же вставала снова. В одну из таких остановок в дверцу вдруг постучали. Я шарахнулась от неожиданности — в окне сияла улыбкой девушка. На голове её был капор, голубенький, как незабудки, с белой оторочкой, из-под которого виднелись рыжевато-золотистые локоны. При виде неё Айрис внутри меня так встрепенулась, что пришлось вцепиться в сидение.

Умница Эдна среагировала первая. Она открыла дверцу и поманила девушку:

— Прошу вас, леди Эплбри, вы так ноги застудите! Скорее забирайтесь!

Ещё одно расхождение с известным мне будущим: в прошлый раз в дороге выпал снег, и никто из дам не стал бы выскакивать под него, рискуя намокнуть и простудиться.

Я разглядывала новую попутчицу во все глаза, находя всё больше несоответствий тому, что знала. Память Айрис словно была кривым зеркалом, искажающим достоинства и преумножающим недостатки. Выпуклую родинку у крыла носа она видела уродливой бородавкой. Возникающую по любому поводу улыбку — приторной и лицемерной гримасой. Розовые щёки наверняка заслуга румян, а глаза и вовсе слишком велики для такого лица. Она искала, за что бы зацепиться, и находила без труда. Ведь всякое уродство, как и красота — лишь в глазах смотрящего.

Когда я сумела отпихнуть желчную неприязнь Айрис в сторону, то признала Ханну Эплбри если не красавицей, то уж редкой милашкой точно. У неё были немного детские черты, выпуклые голубые глаза хранили невинное выражение, а вздёрнутый нос придавал лицу живости. Округлые черты делали внешность простоватой, не отнимая приятности. На фоне суровой красоты Айрис она выглядела фарфоровой пастушкой, играющей на свирели для фарфорового пастуха.

Не успела я опомниться, как Ханна полезла обниматься.

— Мы так давно не виделись! — Она ткнула меня в щёку губами. — Рири, милая, как ты поживаешь? Твой брат вчера посетил нас с визитом, но я уже спала и не могла справиться о тебе... Говорят, ты болела?

Радость пёрла от неё во все стороны. Воображение сразу нарисовало щенка золотистого ретривера, бешено виляющего хвостом. Я прикусила щёку изнутри. Личные ощущения всё больше конфликтовали с теми, что хранила Айрис. Ревность ревностью, но как могла поднять руку на это солнечное существо?

Потом я вспомнила, что Ханна приняла ухаживания моего жениха, и решила всё же не делать поспешных выводов.

— Да какая там болезнь, — я отмахнулась, поправляя смятые её напором юбки. — Так, лёгкое недомогание. Стоит один раз слечь с головной болью, как все тут же тебя хоронят.

Не говорить же ей, что я едва не отправилась на тот свет, желая подчинить себе потусторонние силы. История неоднозначная сама по себе, а тот факт, что конечной целью было её, Ханны, устранение, добавляет пикантности.

Разговор вертелся вокруг знакомых, последних светских новостей и положения дел при дворе. Политика леди Эплбри не особенно интересовала. В отличие от Айрис, никакими договорённостями она связана не была, а потому большую часть года проводила во дворце, в компании двоюродной тётки и её дочерей, острых на язык погодок.

— Я только вернулась домой погостить, а тут такое случилось! — Она стиснула кулачки под подбородком и ещё больше округлила глаза. — Разве не удивительно?

— Что же удивительного, — пробормотала я, терзая пряжку плаща. — Если её величество была в положении, однажды это должно было закончиться. Тем или иным образом.

— Да, но всё равно... — Ханна немного приугасла, видя, что я не разделяю её восторг. Она подышала на стекло и вывела на запотевшем кружке завитушку. — Теперь у её величества тоже будет ребёнок.

Щёки её слегка порозовели. Кажется, малышка Ханна мечтает о семье? Последний ребёнок Эплбри, выросшая без сестёр и братьев, липнущая к любому, кто с нею добр. О её родителях я знала мало, лишь то, что они были недостаточно высокого положения, чтобы надеяться на брак со знатью первого сорта, и слишком высокого, чтобы опуститься до второго. Ни туда и ни сюда. Может, Радвин и хотел бы сделать ей предложение, но наш отец на такой мезальянс никогда не пойдёт. А без его согласия не будет ни содержания, ни наследства. Что за радость, привести молодую жену в казармы? Нет, он слишком любил её, чтобы обречь на такое существование.

Моему Леонару было проще. Вернее — будет. Сейчас-то он скован волей отца по рукам и ногам, но в ближайшее время его дед по матери оставит этот мир, сделав внука главным наследником. Получив деньги и независимость, тот разорвёт нашу помолвку, сделает предложение Ханне и...

— Ты часто видишь герцога Нагл... Герцога Олбриджа? — спросила я, внимательно глядя на притихшую девушку.

— Как сказать... — Она накрутила локон на палец, избегая смотреть мне в лицо. — Не то чтобы очень часто, но и не очень редко, словом, иногда мы видимся в залах, как и со всеми придворными.

Это лепетание говорило больше, чем иной крик. Ханна жалобно посмотрела на меня, удивительно несчастная в это мгновение. Почему-то мне стало легче. Судя по всему, она влюблена в него — а значит, Айрис не единственная дура на свете.

— Вот и приехали, — вдруг сказала Эдна.

Впереди показались распахнутые ворота дворца.

Глава 9

Родовое имение Вилфортов было отстроено на совесть, прапрадед Айрис не пожалел денег на то, чтобы придать фамильному гнезду величественности. Но по сравнению с Белым дворцом оно тянуло разве что на загородный домик не самого взыскательного баронета.

Левое и правое крыло были столь протяжёнными, что прогулка от одного края к другому заняла бы не менее получаса. Главное здание изгибалось ступенчатой скобой, обрамляя широкую площадь, сравнимую с городской. Несмотря на размеры, на ней сейчас и яблоку негде было упасть, до того много экипажей приехало в это утро.

Солнце уже взошло. Первые лучи играли на позолоченной лепнине, придавая ей какое-то неземное очарование. Обе мы — и Айрис, и я, — были сражены открывшейся картиной. Дворец был великолепен, но не подавлял, как это случается с выдающимися произведениями архитектуры, а лишь возвышал душу созерцателя. В окружении беломраморных стен и величественных колонн хотелось держать голову выше, а спину ровнее просто потому, что иначе не сможешь соответствовать.

Настрой, однако, чуть портил царивший вокруг хаос. Дворцовые слуги в одинаковых ливреях не слишком отличались от домашних: тот же словарный запас и неиссякаемая жажда его применять. Некоторые господа тоже не отставали. На моих глазах какая-то престарелая леди, шляпку которой украшало больше перьев, чем иную ворону, смачно выругалась, наступив в оставленное чужой лошастью «яблоко».

Здесь бы пахло конюшней, но с запахами лошадиного пота успешно соперничали парфюмерные воды. Я со своей лавандой не рисковала привлечь излишнее внимание — на общем фоне она звучала не громче шёпота.

Я хотела понаблюдать за кутерьмой через окно, но Ханна проявила неожиданную прыть: — Ну что же ты, Рири, надо поторопиться! — пискнула она и потянула меня за собой. — Хорошие комнаты разберут, не успеешь оглянуться!

Сомневаюсь, что дочь Третьего советника определят в чулан. С другой стороны, гостей была такая прорва, что рисковать не хотелось. Да и лично решать вопросы моего размещения папенька не станет, надеяться на его участие было глупо.

Четыре дюжих парня тащили мой дорожный сундук, Эдна прокладывала им путь в толчее, а мы с Ханной шествовали следом за красными ливреями, по дороге раскланиваясь со знакомыми. Облачка пара вырывались изо рта, оседали на бархатной оторочке капюшона.

Я ловила на себе любопытные взгляды, чувствовала перешёптывания за спиной. Герцога Олбриджа здесь знали отлично, а вот меня большинство видело впервые. Интересно, кого они представляли по его рассказам? Горбатую уродину с текущей от слабоумия слюной? Негнущившись от холода пальцами я сбросила капюшон, открываясь взглядам.

Пусть смотрят. Мне стыдиться нечего.

Одолев парадную лестницу из тридцати трёх ступеней, мы наконец-то ступили под своды дворца. В лицо дохнуло тёплым воздухом — ласковое касание после уличной стужи. Я едва не замурыкала, чувствуя, как кровь возвращается в конечности.

Потолки уходили ввысь. Расписные фрески потерялись бы в темноте, не будь здесь огромных окон, пропускающих свет. Чем дольше я здесь была, тем больше царапала какая-то неправильность. Огромное здание требовало колоссальных мощностей отопления. Центрального парового здесь не было, поместья обходились каминами. Чтобы согреть до такой степени машину дворца, каминны должны быть на каждом шагу.

Но здесь не было ни одного. И дымом совсем не пахло, чем страдала даже моя комната, хотя я постоянно заставляла чистить дымоход.

Неужто магия?

Памятуя о «венах мира», я снова попыталась нащупать нечто подобное в здешнем воздухе, увидеть незримое обычному глазу. И едва не споткнулась — но не потому, что попытка увенчалась успехом.

Через весь холл на меня смотрел мужчина. Он стоял достаточно далеко, чтобы черты его оставались неразборчивыми, но его взгляд я чувствовала на себе так, будто находилась в каком-то миллиметре. Этот взор пронзал и обездвиживал, подобно булавке, пришпилившей бабочку.

Ханна обернулась, удивлённая моей задержкой. Проследила, что это вдруг привлекло моё внимание, и с лица её тут же сбежала краска.

— Идём же, — она едва не взмолилась, повиснув на моей руке, — идём, Рири!

— Ты знаешь его? — шёпотом спросила я, очнувшись от минутного наваждения. — Кто этот человек?

— Все знают. — Она замолчала и в следующий раз открыла рот лишь когда мы скрылись за очередными дверьми: — Это был мессир Вальде. Ох, Рири... Лучше бы тебе держаться от него подальше.

Если честно, я и без неё склонялась к такому выводу. До сих пор по коже гуляли мурашки, а вздыбленные на затылке волосы не думали укладываться обратно. Кажется, если сейчас закрыть глаза, то снова его увижу. И если встречу, тотчас узнаю, хотя сейчас даже не могу описать — юн он, стар, уродлив или красив.

— Почему же? — на всякий случай спросила я, пока мы пересекали череду гостиных комнат. Чтобы развеять гнетущее впечатление, перешла на шуточный тон: — Он так плохо танцует, что отдавит мне ноги?

Ханна шутку не приняла. Снятый капор болтался на её шее, подпрыгивая при каждом шаге. Она обернулась по сторонам так, будто собиралась проверить незаконное дельце, а затем склонилась к моему уху и загадочно прошептала:

— С теми, на кого он обращает внимание, ничего хорошего не случается.

Глава 10

Айрис с мессиром Дарианом Вальде знакома не была, никогда не сталкивалась и даже не видела его хоть одним глазочком. Но при звуке этого имени испытывала смутную тревогу, как и почти всякий человек в королевстве.

При монаршей семье он играл ту же роль, что умная голова играет при руках. Одновременно Первый советник и Великий магистр ложи тайных знаний, он обладал такой властью, что мог принимать решения без резолюции короля. Говоря «магия», всякий думал про Вальде. Говоря «Вальде» — надеялся, что сказанное не достигнет его ушей.

Слухов о нём ходило великое множество. Например то, что в действительности ему шла вторая тысяча лет, спал он на раскалённых гвоздях, а вместо вина употреблял свеженькую кровь младенцев. Всё это было чушью, разумеется, но лишь сильнее подчёркивало, насколько мифологической была фигура мессира Вальде для людей вокруг.

Ещё одно изменение сценария, думала я, измеряя шагами отведённые мне покои. То ли ещё будет.

Почему-то крепла уверенность, что на этом всё не закончится.

— Прилягте, госпожа, не утруждайтесь, — посоветовала Эдна в перерывах между хлопотами. Уж она-то себе поблажек не давала, слуги только и успевали поворачиваться под её указаниями. Комната с обитыми голубым шёлком стенами потихоньку принимала обжитой вид. — В ногах правды нет.

— Да нет её и выше, — продолжила я, покусывая ноготь.

Волнение, охватившее меня с момента приезда, всё не унималось. Так не сидится на месте, когда подспудно ждёшь чего-то неотвратимого.

Айрис провела этот день, наблюдая за своим благодетелем. Мозолила об него глаза во время обеда, за которым он занял место не рядом, а напротив, безо всякого стеснения флиртуя с дамами по обе руки от себя. Якобы случайно прохаживалась мимо дверей его покоев, надеясь улучшить минутку для разговора. Передавала записки с дворцовой горничной, возвращавшийся без ответа, но с подозрительно алеющими щеками.

Вечером нас ожидал бал и представление с огнями, а после — ужин, на который будут приглашены лишь самые высочайшие члены двора. Я не могла припомнить вкус блюд и содержание разговоров, потому что для Айрис они были не важны. Всё, что её занимало — улыбки, адресованные кому угодно, но только не ей.

Скверное дело — любить того, кто платит тебе презрением.

Будто подслушав эти мысли, в дверь постучался слуга с запиской от герцога Олбриджа. «Нужно поговорить. Встретимся в галерее рыцарей, жду с нетерпением». Подпись оканчивалась вычурной завитушкой, очень в его стиле.

— Ах с нетерпением, — мстительно усмехнулась я.

Скомкала записку и хотела было швырнуть её в камин, но за неимением оного пришлось ограничиться щелью между кроватью и стеной. Плевала я на его хотелки. Привык, понимаешь ли, что к нему по первому зову бегут. Разбаловался. Ничего, пусть своего же лекарства упьётся до тошноты.

Неспособная провести в покое хотя бы минуту, я решила пройтись по дворцу и наведаться в библиотеку. Её собирали четыре поколения, оберегая от пожаров, гниения и нечистых на руку хранителей, так что она по праву заслуживала звания Сокровищницы умов. Где ещё искать руководства по магии, как не там? Если с расторжением помолвки возникнут проблемы, и мне придётся бежать, хотелось бы иметь хоть какую-то помощь для выживания. Мысль о том, чтобы выйти за Леонара замуж казалась настолько смехотворной, что я даже не рассмат-

ривала её всерьёз. Страдания облагораживают душу лишь в бульварных романах — пусть же они там и остаются.

Комнаты переходили одна в другую, выстраивались рядами и закручивались в лабиринт. Здесь легко было затеряться, среди натёртого до блеска паркета и сверкающего хрусталя. Отражение преследовало меня: оно являлось в многочисленных зеркалах, подмигивало в подвесках люстр, мелькало на полированных вазах из чистого серебра. Всё было схоже, в едином стиле, но вместе с тем, каждая комната являла собой нечто новое. С картин в позолоченных рамах на меня снисходительно поглядывали тени прошлого, увенчанные напудренными париками. Пресытившись экскурсией, я попросила ближайшего гвардейца, с важным видом сторожащего открытые двери, проводить меня до библиотеки. Оказалось, что ноги занесли меня в ровно противоположную сторону.

Каким бы ни был огромным дворец, я то и дело встречала других людей, то гостей, то прислугу. Но здесь, в царстве безмолвных писаний, не было ни души.

Воздух тут был особенным. Тонкий запах, присущий старинным книгам, наполнял его, заставляя дышать глубже. Я шла вдоль полок с рядами тисненых корешков, догадываясь седьмым чувством, что самое ценное не будет выставлено напоказ, под атаку дневного света. Закрытые шкафы в глубине зала манили меня своей холодной отстранённостью.

Здесь не было ни единой свечи. И едва ли кто осмелится пронести источник огня в такое место, драгоценное и хрупкое — нужно быть сумасшедшим, чтобы рисковать подобным образом.

Исполнившись этих благородных мыслей, я полезла на второй этаж, ступая по узким ступенькам деревянной лестницы. Провела ладонью по гладкому лаку балюстрады и попятилась, с высоты разглядывая строгую мозаику полок. Отступила на шаг. Другой.

А на третьем вдруг врезалась в неожиданную преграду. С громким шлепком на пол упала книга.

— Ой! — Я закрылась руками и обернулась, готовая защищаться от потока увесистых томов. Но позади оказалась вовсе не полка.

С выражением дерзкой и насмешливой отваги на меня смотрел юноша, чьё лицо показалось смутно знакомым. Каштановые кудри мягко ниспадали на лоб, прозрачные зелёные глаза походили на драгоценные камни. Осанка его была исполнена достоинства, а черты обрели мужественность, которой ещё не было в те года, когда мы водили знакомство.

— Ваше высочество, — сказала я и сделала торопливый поклон, от волнения едва не растянувшись на полу рядом с брошенной книгой.

— Рад вас видеть в добром здравии, леди Вилфорт, — последовал ответ. Принц Эдельгар широко улыбнулся: — Не думал, что сегодня кто-то составит мне компанию здесь.

Глава 11

Не зная, куда деть глаза от смущения, я подняла упавшую из рук принца книгу. Это был «Трактат об экономиках», копия которого была и у нас, пренуднейшее творение некоего сэра Дженса Лорела. Ей-богу, меня начало клонить в сон тотчас же, как я увидела название.

— Завидую вашей выдержке, — сказала я, протягивая книгу, — я использую её как снотворное.

Принц со смехом перенял у меня том:

— Привык за годы учения. Когда мне сравнялось четырнадцать, сэра Лорела пригласили читать мне курс общественных наук. Он славный человек — не будил меня, даже если я засыпал в самом начале. Но теперь приходится навёрстывать упущенное. — Он с интересом посмотрел на меня: — Вы интересуетесь экономикой, леди Вилфорт?

— Думала так до столкновения с вашим учителем, — пробормотала я. Кажется, этикет запрещал стоять так близко к кронпринцу, но отходить совершенно не хотелось. И сам он не спешил увеличивать дистанцию. — Но теперь есть некоторые сомнения.

— Если ваш запал не угас совсем, могу посоветовать иных авторов, более дружелюбных к читателю, — сказал он учтиво и подвёл меня к полкам в глубине ниши. Освещение здесь было скудным, и в этом мягком полумраке каждое слово казалось стократ интимнее: — Вы так изменились. Со слов Радвина я представлял иное.

Его удивительные глаза будто вобрали в себя те крупницы света, что доходили сюда, и мерцали в полутьме. Я с трудом сглотнула, губы вдруг пересохли. Природа одарила принца Эдельгара тем редким типом мужской красоты, к которой моментально проникнется расположением кто угодно. У девушки он вызовет желание прикоснуться, у пожилой дамы — выдать за него дочь. Юнец захочет на него равняться, а состоявшийся в жизни пойдёт под его знамёнами. Эта красота не пугала, а приглашала остаться рядом. Стоя подле него, я чувствовала накачивающие волны спокойствия, но, одновременно с этим — колотящееся у горла сердце.

Слишком много переживаний для какой-то библиотеки.

— И что же вы представляли? — спросила я, переведя дух. — Зная брата, он не слишком хорош в описаниях, но мне любопытно, насколько сильно придётся его отругать.

— Послушать его, так вы на последнем издыхании, — снова улыбнулся принц краешком губ.

Эти его улыбки действовали на нервы, заставляя меня пялиться с одурелым видом. Лучше бы ему немного взгрустнуть, пока я окончательно не скомпрометировала себя. Будто подслушав стенания в мыслях и действуя назло им, он протянул руку и поправил цветок у меня в волосах. Кровь бросилась к щекам так резко, что над верхней губой выступил пот. Проклятье!..

— Но вы вовсе не так слабы и бледны, как он говорит, — заключил принц, отходя. Мне срочно требовалось на воздух.

Из головы совершенно выветрилось содержание записки сэра Леонара. Так что, когда я пулей вылетела за двери библиотеки и попыталась затеряться в хитросплетениях коридоров и галерей, в последнюю очередь планировала наткнуться на него.

Завидев его белоснежный камзол, я попыталась сбежать незамеченной, но не тут-то было. Кажется, он почуял меня, как акула чует кровь в воде.

Герцог Наглая морда был в бешенстве. Он прождал не менее часа, слоняясь, как последний кретин, среди выставленных в два ряда пустых лат.

— Где вас носит, леди Вилфорт, — процедил он. Если бы взгляд мог рождать молнии, я бы уже лежала кучкой пепла на полу. — Я торчу тут, как на выставке! Опоздания бывают милы, если длятся минуты, а не часы. Объяснитесь немедленно!

— А что тут объяснять, дорогой сэр Леонар, — сказала я, недовольная этой встречей ничуть не меньше, но по другим причинам, — я просто не хотела приходить.

Он открыл рот и тут же захлопнул его. Наверняка ждал потока оправданий, которые можно с негодованием отвергнуть. Трудновато обвинять того, кто ничего не отрицает.

— Гм... — Он посмотрел на меня исподлобья, словно решал: ядовитая это змея или безопасный ужик.

Вместо лавандовой воды герцог предпочитал розовую, и этот густой сладковатый запах действовал на меня хуже удавки.

— Говорите быстрее, — скомандовала я, — здесь слишком душно, чтобы тратить воздух на светскую болтовню. Что вы хотели? Если выбрать дату, чтобы объявить о разрыве, то я согласна на ближайшую.

Сэр Леонар заволновался. Он даже преградил мне путь, не давая сбежать. Голос его вдруг утратил колючесть и заструился мягким бархатом:

— Неужели вы в самом деле намерены отказаться от меня?

— А вы что, какое-то сокровище? — Я с недоумением оглядела его со всех сторон. — Не вижу ничего выдающегося.

— Приличия не позволяют продемонстрировать здесь всё.

Смех вырвался помимо воли. Герцог был настолько самоуверен, что это даже мило. Как маленький ребёнок, что переворачивает игрушки, представляя себя великаном.

— Не понимаю, это флирт или угроза? — спросила я, веселясь ещё больше от того, насколько оскорблённым он выглядел. От смеха даже слёзы выступили.

— Вы же любите меня, — проронил он, хмурясь. — Разве не это вы писали в каждом письме?

— О, так вы их читали? — Это и правда было удивительно. Я искренне считала, что все они оказывались в мусорной корзине даже не распечатанными. И даже Айрис в глубине души думала так же, хоть и не признавалась себе в этом. — Забудьте. В жизни каждой девушки однажды случается затмение рассудка, и моё выпало на вас. Если и была с моей стороны любовь, то вы сделали всё для того, чтобы от неё не осталось ни капли. Разве я заставляла вас быть жестоким? Вы сами виновны в этом печальном итоге. — Я стиснула кулаки и твёрдо взглянула ему в лицо, забивая каждое слово, будто гвозди в крышку гроба: — Я не люблю вас, сэр Леонар. Давайте разойдёмся с миром, и вы продолжите жить свою прекрасную жизнь, не отягощённую заботами о других.

Его кадык дёрнулся над шейным платком.

— Не верю.

— Придётся.

— Ваша злость... Что же, может, для неё и есть повод, — он прикусил губу. — Но чем больше вы злитесь, тем сильнее выдаёте себя. Женщина не станет так яро говорить с тем, кто ей безразличен. Ваша грудь вздымается так часто... Не похоже на спокойное небрежение.

Я рефлекторно прикрыла вырез ладонью. Каков паршивец! Его тут пропесочивают, а он пялится на моё декольте!

— Вы отвратительны.

— И вам это нравится.

Он зажал меня в угол между стеной и массивными латами. Дело принимало скверный оборот: глаза мужчины масляно заблестели, а рука скользнула за мою спину. Я пихнула его в грудь и зашипела:

— Уж не знаю, что за мусор у вас в голове, но научитесь принимать поражение.

— Отложенная победа — это ещё не поражение...

Ещё секунда — и его мокрые губы коснутся моих! Пискнув от отмерзения, я зажмурилась, мысленно обрушивая на эту голову все громы небесные.

— Дьявол!

Раздался треск. В воздухе растёкся свежий запах озона. Герцог отскочил от меня, трясая рукой.

— Что это было?.. — Он разглядывал свою лайковую перчатку, на которой чернела и вилась дымком обугленная дыра. Растерянно хлопая ресницами, он переводил взгляд с неё на меня.

— Не говорила мама, не суй пальцы в розетку? — выпалила я и поспешила наутёк, пока этот дуралей не опомнился и не стал интересоваться, о какой розетке идёт речь.

Пресловутые «вены мира» работали совсем не так, как я ожидала. В прошлых неудачных попытках я пыталась зачерпнуть силу откуда-то извне, почувствовать её, как ток воздуха или течение воды. Слепо тыкалась, тшцать отыскать хоть что-то. Но всё это время сила жила внутри, как крошечная искорка, которую нужно раздуть.

Угроза поцелуя от сэра Леонара оказалась достаточно сильным дуновением.

Переходя из одной галереи в другую, я оказалась на обширном балконе, полукругом выдающимся над искусственным озерцом. В прозрачной воде плавали рыбы, слуга с длинным сачком вылавливал листья. Здесь было прохладно, согретый воздух дворца смешивался с уличным. Самое то, чтобы остудить голову.

Помолвку может расторгнуть одна сторона — что и случилось в прошлый раз, когда герцог Олбридж повесил на Айрис клеймо брошенной невесты. Обе стороны по обоюдному согласию, никого не оставляя в накладе — чего и пыталась добиться я. Однако, возможен и третий вариант, когда сам король запрещает неугодный брак.

Раз герцог упёрся рогом, желая оставить за собой последнее слово, значит, нужно убедить короля, что этот брак ни в коем случае не должен состояться. Всего-то навсего.

Глава 12

Торжественный обед был столь многочисленным, что столы протянули через три огромных зала. Вполне возможно, что те, кто сидели на одном конце, никогда не видели тех, кто был на другом.

Мне досталось не худшее место. Отсюда прекрасно было видно королевский стол, и монаршую семью даже не приходилось высматривать за цветочными вазами и пирамидами из блюд. Гримбальд III, прозванный непочтительными языками «королём-за-троном» за пассивность характера, выглядел совершеннейшим стариком, хотя ему не сравнялось даже пятидесяти. Бесцветные рыбы глаза без выражения поглядывали на придворных, оживляясь только при объявлении нового блюда. Трудно было поверить, что от такого отца мог родиться кто-то вроде принца Эдельгара. Они различались столь же сильно, как цветущий сад отличается от могильного склепа.

По левую руку от него восседала королева Бриония, увядающая брюнетка с томными глазами и землистым цветом лица. Возможно, последнее — следствие того, что она ещё не оправилась от вчерашних родов. Она вела беседу и отдавала должное блюдам, не давая заподозрить хоть малейшее недомогание. Придворный церемониал требовал от неё присутствия здесь, и я внутренне содрогалась от такого варварства. Бессмысленная, никому не нужная жертва. Чего стоило перенести праздник хоть на десяток дней?

Младенца тоже принесли. Свёрток из кружев и парчи не издавал ни звука, показали его издалека, так что смысл действия я не особенно поняла. Возможно, настоящий ребёнок вообще мирно спал в колыбельке — кто там разберёт. Однако, похвалы неземной красоте личика посыпались тотчас же.

Место по правую руку короля занимал наследник, успевший сменить наряд. Бордово-золотые цвета монаршего дома шли ему донельзя, подчёркивая красоту, как подчёркивает правильная оправка драгоценный камень. Я случайно пересеклась с ним взглядом и опустила голову, делая вид, что увлечена разглядыванием узорной тарелки.

— Сядь ровно, — негромко сказал отец, кажется, даже не шевеля губами. — Люди подумают, что тебя вырастили лебеди.

Что касается моего положения за столом, оно было крайне противоречивым. Находясь между Радвином и папулей, я в полной мере могла прочувствовать, насколько же разным было их отношение. Брат, в парадном мундире выглядевший чуть менее мрачно, чем обычно, первым делом пожал мой локоть в знак поддержки. «Мужайся» — значил этот жест. Отец не посрамил ожиданий и начал с того, что в пух и прах разнёс моё платье. Не то чтобы я пыталась ему понравиться, но было в этом что-то обидное.

В довершение испытания, прямо напротив усадили герцога Олбриджа. Перчатки он сменил, и теперь косился на меня с не поддающимся трактовке выражением. Сидевшая через десяток мест Ханна Эплбри не удостоилась от него и взгляда — вот она, великая воспитательная сила удара током.

Прислуги было в два раза больше, чем знати. Позади каждого стула толкались личные и дворцовые лакеи, компаньонки и прочие полезные люди, без которых иные дворяне не могут даже застегнуть пряжку на туфлях. Они вели себя тихо, не издавая звуков без веской необходимости, что лишь подчёркивало болтливость общества за столом.

Церемония вноса и выноса королевского младенца была торжественной, но даже она уступала в пышности тому, как долго несли и с какой помпой расставляли свежайшие блюда. Доставляли их прямиком с дворцовой кухни. Окна выходили на другую сторону, так что приходилось додумывать вид этой процессии, пересекающей двор под взглядами изумлённых птиц.

У меня едва не потекли благодарные слёзы при виде этого изобилия дичи, паштетов и соусов. Невозможность накинуться на них раньше, чем первый кусочек попробует король, терзала хуже клещей палача. Запахи жаренного мяса наполнили залы, перебивая даже ароматическую воду. Я нетерпеливо вздохнула, нацеленная на ближайшую куропатку, чьи поджаренные ножки щеголяли бумажными папильотками.

Король Гримбальд никуда не спешил. Он придиричливо осматривал блюда, пока выбор его не пал, наконец, на серебряную супницу. Большого труда стоило сдерживать смех от того, с каким вниманием первые люди королевства провожали ложку, исчезающую во рту венценосного деда. Свершилось! Его величество крошечным кивком одобрил вкус, и замершие гости вновь ожили. Застучали ложки, заскребли вилки и ножи, полились в бокалы шипучие вина.

— Что вам положить, моя леди? — Эдна склонилась над моим ухом. — Я вижу прелестную запечённую ветчину, не слишком жирную.

Видит бог, я была бы согласна и на жирную. Ветчина в компании пряного соуса и зелени наполнила тарелку, хрустящее крылышко куропатки увенчало композицию — и в этот миг я была беспредельно счастлива, как счастлив путник, наконец-то узревший оазис.

— Умерь своё обжорство, — сказал отец, в планы которого моё счастье не входило. Он сделал знак Эдне, подзывая ближе: — Не накладывай ей больше двух ложек блюда.

Этого я стерпеть уже не могла.

— Что с того, если я наемся? Кому от этого будет плохо?

— Мне не нравится твой тон.

— А мне не нравится ходить голодной. — Я стукнула по тарелке сильнее нужного. На лязг повернулся Радвин, беседовавший с престарелой леди Голднайт. — Отец, я не дрессированная собачка, которая слушается команд просто потому, что не умеет иначе. Обосновывайте запреты, если хотите их соблюдения.

На виске у него забилась жилка. Глядя на неё, я чувствовала невольный страх, но он принадлежал Айрис, а не мне. Авторитет отца был для неё незыблемым, как для той самой дрессированной собачки. Она обожествляла его и сносила любую жестокость, в надежде заслужить этим послушанием любовь. Я впервые задумалась, сколь много общего в её отношении к отцу и к сэру Леонару.

Нож воткнулся в бок молочного поросёнка так, будто на его месте представляли мой язык. Однако, голос оставался обманчиво-спокойным:

— Завтра же ты отправишься домой. Я слишком долго откладывал твой брак и теперь пожинаю плоды — товар нужно сбывать до того, как он залежится. Мы с лордом Олбриджем обговорим дату свадьбы, а до неё тебе запрещено покидать имение. Больше никаких визитов, прогулок и посещения города. Тлетворное вольнодумство, что ты подцепила в одном из этих мест, быстро выветрится в уединении.

Глава 13

Яковыряла ставшее безвкусным мясо. Если сейчас сообщить папуле, что не собираюсь замуж, его хватит апоплексический удар? Одной проблемой стало бы меньше. Он пытается придать себе небрежный вид, перебрасывается фразами с соседями по столу, но я замечаю, как подрагивают испещрённые венами руки, как стискивают они позолоченные ручки приборов. Он зол, без сомнения. Так зол, что нарываться дальше становится опасным.

В известном мне будущем он отослал Айрис из дома, когда герцог объявил на весь свет, что не женится на ней. Позору семьи не место в родовом поместье. Жить предполагалось у дальней родственницы, влачащей довольно жалкое существование в самом северном из графств, в промозглom краю болот и туманов. Радвин и Ханна помогали с организацией побега, но последнюю так мучила совесть, что она решила признаться в своей помолвке... «Умей Ханна держать язык за зубами, ничего бы не произошло, — подумала я с внезапно накатившим раздражением. — Делаешь гадость, так делай до конца». Впрочем, кто знает. Рано или поздно, весть бы всё равно достигла ушей Айрис.

Сегодняшний же вечер должен был пройти без особенных происшествий. Спустя пару дней сляжет принц, но до того... Моя рука, тянувшаяся к подрумяненной перепёлке в окружении спаржи и артишоков, замерла на полпути. Я кинула быстрый взгляд в сторону главного стола: принц оживлённо беседовал с одним из министров и выглядел здоровее любого в этом зале. Всякое бывает, конечно, но... Разве не странно это? Наследник трона, что сильно болеет прямо после того, как у него рождается конкурент.

Нехорошие предчувствия захватили меня настолько, что пропал аппетит. Изучая придворных с новой долей подозрительности, я заметила пустующее место в передней части нашего стола — кто-то из высокопоставленных и ожидаемых здесь людей дерзновенно решил не являться. Было оно пустым и в прошлый раз. У кого хватит влияния и наглости на такое?

Я поёжилась, словно опять почувствовав на себе тот пристальный взгляд в галерее. Мессир Дариан Вальде. Способен ли Верховный маг королевства почуять, что с новоприбывшей девицей что-то не так? Инквизиции в этом мире не было, но до идей гуманизма тоже пока далековато. Ожерелье давило на шею, напоминая о верёвке, которую для Айрис заменили на топор.

Пытаясь отвлечься, я глотала разбавленное водой вино и поглядывала по сторонам. Наблюдать за слугами было интереснее всего — привыкшие к тому, что внимания им уделяют не более, чем ножкам стульев, они совершенно не контролировали выражение лица. За их спинами показалась новая процессия, нагруженная едой и напитками. Мне хорошо было видно молоденького слугу, которому явно до смерти неудобно в тесной ливрее: он то краснел, то бледнел, то косился по сторонам, весь какой-то суетливый и нервный. Его угреватый лоб даже покрылся испариной, хотя температура в зале была комфортная. Ценность ноши вполне отвечала таким страданиям — позолоченный кубок, из которых пила лишь королевская семья, перемежая их вместе с напитком. Остальные довольствовались хрустальными бокалами, по одному на тра...

— Стойте! — вскричала я и вскочила на ноги.

Глава 14

Звякнула упавшая вилка. Под прицелом десятков глаз все слова разом вылетели из головы. Я не знала, что делать — рассказать об увиденном? Но я даже не была уверена наверняка, что произошло. С прислугой не будут церемониться, и если я ошиблась, то просто ни за что сломаю человеку жизнь. А может и стану причиной, по которой он её лишится... Секундная тишина наполнилась гулом перешёптываний. Он жалил меня, как пчелиный рой. Ошиблась или нет, ошиблась или...

Дрожащей рукой я указала на нервного парня:

— Этот молодой человек удивительно напоминает лорда Джевинса, не правда ли?

Придворные в недоумении повернулись. Лорд Джевинс, белобрысый и круглолицый боров, едва не покрутил пальцем у виска — тощий паренёк напоминал кого угодно в этом зале, но только не его. И быть бы мне осмеянной за глупость, но в этот самый миг слуга срывается.

Крупная дрожь сотрясает его с головы до ног. Парень пятится, оступает на ровном месте и вдруг швыряет кубок в сторону! Верещат облитые дамы, вскакивают с мест возмущённые лорды, взрываются гневными криками все вокруг. Он рвётся с места и бежит, расталкивает других слуг, падают на пол и разлетаются блюда!

— Взять негодяя! Задержать! — ревёт генерал Иствик, чья супруга ошарашенно хлопает ресницами, с которых капает вино.

— Да что же это творится, господа! — сетует леди Голднайт, пока двое слуг обмахивают её салфеткой. — Это сословие утратило всякий стыд!

Крики, обмороки, клятвы наказать мерзавца и едкие замечания в полголоса — представление длится и после того, как злоумышленника поймали. Сбив с ног, гвардейцы живо утащили его подальше. Кубок тоже прибрали, как вещественное доказательство. Придворным алхимикам будет, чем заняться.

Пользуясь суматохой, я села обратно. Все и думать забыли обо мне, увлечённые невероятным событием. О нём будут судачить ещё пару месяцев, при каждом рассказе добавляя красочные подробности. Не удивлюсь, если однажды услышу версию, в которой слуга набросился на короля с кинжалом в зубах.

Мои сомнения растворились, как пудра генеральши в потоках вина. Этот слуга, как и остальные, прикрывал кубок ладонью, держа её на весу — чтобы в напиток не попала муха или случайный сор. Но когда он проходил затенённое место между окнами, из перстня на его руке что-то высыпалось. В тени, да ещё на расстоянии, нельзя было сказать точно, не сыграло ли со мной шутку воображение.

Но теперь было ясно — мне не показалось. Паника выдала его с головой.

Королева Бриония, несмотря на царивший хаос, сохраняла каменное выражение лица. Король морщился, недовольный шумом. Принц Эдельгар передал записку какому-то сухощавому типу с неприятным лицом и выглядел довольно спокойным, хотя и хмурился. Лишь перед ним одним не было наполненного кубка.

Радвин тронул меня коленом под столом. Глаза его горели мрачным огнём, вилка в руке была погнута.

— Откуда ты знала? — Шёпот не передаёт эмоций, но даже в нём я услышала горечь. — Рири, говори честно. Я не поверю, что это совпадение.

— Просто заметила, как он что-то подсыпал, — ответила я. — Почему здесь нет дегустаторов?

Мрачная аура вокруг брата расплзалась чернильным облаком.

— Закончились, — ровным голосом сказал он, обмениваясь взглядами с принцем.

Глава 15

Между плотным обедом и вечерним балом гостям было отведено время для отдыха. Можно поспать на дворцовых перинах, устроить моцион в бесконечных лабиринтах садов, навестить главных конюшних или организовать парочку заговоров.

Но для той, что повела себя странно, приготовили иное развлечение.

Меня допрашивали.

Вернувшись в покои после обеда, я попросила Эдну запереть двери, желая отдохнуть в тишине. Но едва ключ повернулся в замочной скважине, как в дверь требовательно постучали.

— Именем короля!

Сказать, что я струхнула — значит, не сказать ничего. Мало приятного, когда к тебе ломятся органы власти, даже если они принесли корзинку с пирожными. И что-то подсказывало, что никакими пирожными там и не пахнет.

Я отгёрла Эдну плечом в сторону.

— Кто там? — Голос вышел до того детским, что даже неловко.

— Именем короля! — повторил человек за дверью. Догадавшись, что этого мало, он добавил: — Сэр Броуз желает видеть вас, леди Вилфорт. Мне приказано сопроводить вас в его кабинеты.

Эдна тихо ахнула и схватилась за щёки. Под пальцами её проступили красные пятна, лицо исказил ужас. Впечатлённая реакцией, я порылась в памяти, но никаких сэров Броузов она не содержала.

— Это кто такой? — зашипела я, надеясь, что за дверью мою неосведомлённость не услышат.

— Старший дознаватель его величества, — пискнула в ответ Эдна. — Что же это... Да как же это... Чтобы благородную леди тащили на допрос, как какую-то разбойницу...

Вид у неё с каждой секундой становился всё более трагическим. Я почесала нос. Стукнула в дверь, наверняка озадачив людей за нею, и громко спросила:

— А можно перенести визит? Знаете, лёгкое несварение, тошнота, вздутие. Не хотелось бы осквернить обувь сэра Броуза демонстрацией моего обеда.

За дверью явно задумались.

— Нет, — всё же последовал ответ. — Леди Вилфорт, дело не терпит отлагательств. Клянусь честью, вам не причинят неудобств.

— Как удобно, — пробормотала я, колукая резную завитушку на двери, — за нарушение этой клятвы с вас даже денег не возьмут.

— Что-что?

— Ничего.

Я открыла дверь, едва не треснув ею настойчивого провожатого. Первым, что бросилось в глаза, было роскошное кружевное жабо, настолько огромное, что прочие части казались придатком к нему. Жабо сражало наповал, но остальное не впечатляло. Плюгавый мужичок лет сорока, вертлявый и тощий, с зачёсанными на плешь мышастыми волосами. Ножки у него были тоненькие, как спички, так что верхняя часть казалась непропорционально большой, как у индюка.

Он проворно отскочил в сторону и согнулся в поклоне, как подобает тому, кто находится несоизмеримо ниже в иерархии.

— Моё имя Лиммерик, ваша светлость, — с заискивающей улыбкой сообщил он, одёргивая полы камзола. — Прошу, не будем заставлять сэра Броуза ждать, он предпочитает разбираться с делами столь скоро, сколь это возможно.

— Замечательная привычка. — Моя ответная улыбка заставила Лиммерика раскраснеться. Хотя не исключаю, что дело было в слишком быстром темпе ходьбы. — Ведь угроза внезапной смерти всегда где-то рядом.

— П-простите? — Теперь он столь же стремительно бледнел.

Семенова за нами Эдна громко и крайне неестественно кашлянула.

— Болезни, несчастные случаи, злой рок, в конце-то концов, — философски ответила я, — каждая секунда может оказаться последней. Видимо, сэр Броуз осознал эту простую истину, раз способен заставить себя заниматься делами даже в таком месте.

Я обвела галерею, что мы проходили, широким жестом. Длинный переход из одного крыла в другое являл чудесный вид на беломраморные фонтаны и квадраты прудов.

Всю дорогу Лиммерик косил глазом, как напуганная лошадь. Видимо, боялся, что причиной его внезапной смерти каким-то образом могу стать я. На его месте я бы больше переживала, как бы не утонуть в супнице, однажды не выдержав веса монструозного жабо. Приколотый у ворота камень в золотой оправе был размером с гусиное яйцо. Таким и убить можно.

И так, с поддержкой в составе нервного Лиммерика, Эдны с похоронным лицом и двух высоченных гвардейцев, не удивляющихся никому и ничему, мы достигли правого крыла дворца. Каким бы ни был комичным мой провожатый, он справился со своей задачей на ура, выбирая путь так, чтобы ни одна живая душа нас не увидела.

Правое крыло — оно же крыло Совета, — было отделано не столь роскошно. Сразу чувствовалось, что люди приходят сюда марать документы и ругаться по поводу бюджетов, а не празднично бездельничать. Здесь принимали просителей, давали расчёт строителям и прислуге, а ещё — вели следствие, необходимость в котором не отпадала никогда.

Из-за высоких дверей тёмного дерева не доносилось ни звука.

— Прошу, ваша светлость, — Лиммерик отворил дверь и снова поклонился, пропуская меня вперёд.

Глубоко вдохнув, я прошла дальше, навстречу пристальному взгляду, от которого безотчётно хотелось улизнуть. Над столом, более похожим на прямоугольный высокий гроб, стоя горбился субъект с неприятным лицом. Его крючковатый нос явно не раз ломали, набрякшие мешки под глазами добавляли лет. Длинные волосы, побитые сединой, свисали неопрятными прядями. В пальцах, смахивающих на паучьи лапы, он держал перстень-печатку.

Когда я вошла, печатка с силой опустилась на воск. Едва не вздрогнув, я вопросительно склонила голову набок. «Не теряй самообладания, — внушала я себе в этот момент, — ты ничего не сделала. А раз не сделала, то и не докажут».

— Леди Вилфорт, — негромко произнёс главный дознаватель, продолжая буравить меня чёрными глазами, — у короны возникли к вам вопросы.

Меня передёрнуло. В этом невыразительном голосе отчётливо был слышен стук топора.

Глава 16

Чтобы справиться с нервами, я отошла к окну, делая вид, что чрезвычайно заинтересовалась видом. Руки под шёлковыми перчатками безбожно потели.

Взгляд преследовал меня, прожигая спину.

— Раз у короны вопросы, то мой долг, как всякого подданного, ответить на них, — сказала я, теребя кисточку на поясе. Затем повернулась, соорудив самое доброжелательное лицо в мире: — Боюсь, вы будете разочарованы тем, что потратили на меня время.

Улыбки на него не действовали.

— Это уж мне решать, — сухо ответил сэра Броуз.

Он отложил печатку и теперь раскладывал по стопкам одинаковые квадратики конвертов, на каждом из которых алело пятно сургуча. Сесть мне не предлагали. Подумав, я самовольно опустилась на диванчик для посетителей. Кожаные подушки тихо скрипнули. Окна выходили на безлюдный внутренний дворик, а закрытые двери, казалось, отрезали от остального дворца. Крайне неуютная атмосфера, от которой пальцы на ногах поджимались сами собой.

— Отчего вы так нервничаете? — вдруг спросил он, не отрываясь от дела.

— Я вполне спокойна.

— Вы сейчас оторвёте свой пояс, если не остановитесь.

Последний конверт оказался в стопке. Оглядев стол, он немного смягчился, в этом иссушённом годами и тайнами лице промелькнуло нечто, похожее на удовлетворение. С досады прикусив щёку, я оставила кисточку в покое. Лучше не давать ему простора для нападения.

— Думаю, всякий будет нервничать, переступив ваш порог, — сказала я мягко, будто извинялась за то, что сэра Броуз пугает людей до смерти. — В пределах этой нормы моё состояние вполне обычно. Давайте не будем тратить время на хождение вокруг да около, я прекрасно понимаю, почему вам захотелось побеседовать со мной.

Я так и сказала: «побеседовать». Иногда язык выделяет странные вещи, раньше меня понимая, как повернуться. Каким бы жёстким и опытным ни был этот тип, я всё ещё остаюсь дочерью Третьего советника и урождённой герцогиней. А он — тень на королевской службе, не удостоенная титула. Я могла бы обращаться к нему просто по фамилии, как к покинувшему нас Лиммерику, но не стану этого делать. Маленький человек, вкусивший больших возможностей, становится крайне чувствительным к неуважению.

— И почему же вы здесь, по-вашему?

— Давайте я лучше расскажу, что произошло, — заявила я, перехватывая инициативу. Нельзя дать этому удаву себя обвить. — Находясь в рассеянном состоянии духа, я заметила, как один из слуг высыпал в кубок кронпринца какой-то порошок. Согласитесь, это нечто из ряда вон.

— И поэтому... — Сэр Броуз перелистнул пару бумаг, подшитых к толстой стопке листов. — ...вместо того, чтобы обличить отравителя, вы решили поинтересоваться, не напоминает ли он кому лорда Джервинса.

— Обличать отравителей — ваша прерогатива. Разве могла я так безрассудно бросить обвинение?

— Почему лорда Джервинса?

— Простите?

— Вы спросили, не напоминает ли этот слуга лорда Джервинса. — Чёрные глаза уставились на меня, пугающе неподвижные. — Почему вы упомянули именно его?

— Я просто растерялась...

— Лорд Джервинс как-то связан с этим?

Он наступал. В кратчайшие секунды дознаватель оказался рядом и навис надо мной чёрной тенью. Кажется, от него пахло могильным тленом. Все слова растворились, я была мышью, брошенной на съедение. Прижавшись к спинке дивана, я трудно сглотнула.

— Лорд Джервинс участвовал в заговоре? И вы знали об этом, потому что ваш отец тоже в числе заговорщиков? — свистящий шёпот проникал в голову, выстуживая каждую клеточку. — А может, и вы сами, а, леди Вилфорт?

У меня закружилась голова. Воздуха не хватало, ожерелье давило на горло.

— Какая чушь... — голос предательски задрожал. — Зачем мне останавливать отравителя, если я часть заговора?

— Чтобы отвести от себя подозрения, разумеется, — продолжал давить проклятый сэра Броуз. — Пожертвовать слугой и подобраться к принцу поближе, завоевав доверие. А затем довершить начатое.

— Я бы никогда не причинила ему вред, — ответила я резко и почувствовала, как щёки заливают краска. Взгляд дознавателя причинял физическую боль, но теперь я не избегала его и смотрела прямо. — Слышите? Никогда.

Самой стало не по себе от того, насколько эти слова правдивы. В моей заёмной памяти жил образ весёлого мальчугана, что с неподобающей наследнику престола резвостью носился по садам Малого дворца и дрался с моим братом на деревянных мечях. Но его уже сменял новый — молодого мужчины, рядом с которым замирает сердце.

— Никогда — это всего лишь слово. Стены моего кабинета слышали его много раз, — дознаватель оскалился. — Если бы я верил каждому, то не сидел бы здесь.

Бешеный пёс, который знает лишь одного хозяина и будет рвать, пока жертва не перестанет дышать. Зрачки сэра Броуза были бездонными колодцами, на дне которых таилось страшное.

Ещё немного, и я бы упала в них, неспособная защититься.

Двери распахнулись без стука. На лице дознавателя вспыхнуло раздражение и тут же сменилось обычной невыразительной миной. Глядя на принца, он низко поклонился:

— Ваше высочество.

— Что здесь происходит? — голос принца Эдельгара, бывший таким мягким в библиотеке, хлестнул плетью.

Я смотрела на него во все глаза, и слёзы облегчения вскипали сами собой. Будто самую тёмную, самую страшную ночь разорвало взошедшее солнце. Он подошёл ко мне и взял руку в свою, даже не обратив внимания, что от растерянности я совсем позабыла про реверанс.

— Вы так дрожите... — пробормотал он и снова обратил горящий взор на дознавателя, отошедшего к столу: — Броуз, мои указания были написаны неразборчиво?

Рука сжалась сильнее. Я пискнула.

— Приказ короля, — бесцветным голосом отозвался тот.

— Королевы, ты хотел сказать, — хмыкнул принц Эдельгар. Зелёные глаза потемнели, стали жёсткими. — Все мы знаем, кто говорит его голосом... И кто будет пытаться сбить со следа.

Между ними будто произошёл безмолвный диалог. Дознаватель поджал губы и мазнул по мне взглядом:

— Ваше высочество, поведение леди Вилфорт дало достаточно оснований, чтобы...

— Я доверяю ей, — Эдельгар оборвал его. — Слова кронцпринца тебе достаточно? Я доверяю леди Айрис Вилфорт так же, как её брату. Не тревожь больше её покой. — Он повернул голову ко мне и складка меж бровей разгладилась: — Простите за эти волнения. Броуз человек старательный, иногда сверх меры, уж такова его служба.

— Понимаю, — пробормотала я. Наши руки всё ещё были вместе, и мне страшно было лишний раз пошевелиться, чтобы не прервать случайно этот контакт. Осмелев, я чуть сжала

пальцы в ответ: — Раз уж меня не бросили в тюрьму, буду считать, что разговор прошёл в тёплой дружеской атмосфере.

Эдельгар фыркнул. Улыбка шла ему куда больше нахмуренных бровей.

Он встал, увлекая меня за собой. И, к моему огромному разочарованию, наконец отпустил.

— Идёмте, леди Айрис, — сказал он, подчёркнуто обращаясь по имени. — Вам стоит отдохнуть перед ужином.

Я удивилась:

— Его не отменили? После случившегося?

Мужчины переглянулись с непонятым выражением.

— А разве что-то случилось? — улыбнулся Эдельгар. — Все живы.

Занятные у них представления о норме, подумала я. Но говорить ничего не стала.

Покидая кабинет вслед за широкой спиной принца, я обернулась:

— Послушайте, сэр Броуз, — сказала я, помедлив, — не знаю, какое впечатление вы составили обо мне, но будьте уверены: ни я, ни мой брат действительно никогда не причиним его высочеству зла. Если вы разбираетесь в людях, то должны видеть это так же отчётливо, как я сейчас вижу вас.

Нога уже переступала порог, когда в спину долетел слышимый только мной тихий голос:

— Вы ничего не сказали про своего отца.

Передёрнувшись, я поспешила оставить это жуткое место.

Глава 17

Слова дознавателя всё вертелись в моей голове скользкими угрями. Нервничал ли отец сегодня больше обычного? Он был раздражён и придирался, но это обычное его состояние — в отношении дочери уж точно. И я не представляю, на кой чёрт ему убивать кронпринца, потому что этого не смогла бы представить Айрис. Что не выглядит надёжным доказательством, с учётом её тотального невнимания к политическим раскладам у подножия трона.

Ах, да. Ещё он пообещал запереть меня дома.

Отступивший было призрак скоростного замужества замаячил вновь.

Вспомнив об этом, я дотронулась до локтя принца:

— Ваше высочество...

— Да? — Эдельгар что-то напряжённо обдумывал, но вынырнул из своих мыслей, едва я позвала. — Я сопровожу вас до покоев, если вы не против.

Лиммерик куда-то исчез, но позади шла до крайности изумлённая Эдна и невозмутимые гвардейцы, эхо шагов отдавалось под высоким потолком. Меня было кому проводить, так почему принц тратил своё время подобным образом?

— Весьма рада, — пробормотала я, опираясь на предложенную руку. Тепло сильного тела грело даже через ткань, хотелось прижаться к нему боком, как к нагретому летним солнцем камню. — Кажется, сэр Броуз счёл меня подозрительной особой.

— Он всех считает подозрительными, — ровно ответил Эдельгар. У его высочества оказалась привычка часто смотреть на собеседника во время разговора, и сталкиваясь с внимательным взглядом я ужасно боялась споткнуться. — И не так уж ошибается.

Последнее было сказано с тяжёлым сердцем.

— Я не плету против вас интриг, — сказала я с большей, чем собиралась, горячностью. — И не стану ни при каких условиях.

Всё это звучало так по-детски, но принцу понравилось. Во всяком случае, он перестал выглядеть так, будто решает все проблемы мира у себя в голове и хитро сощурился:

— А если вам предложат титул и власть?

— У меня уже есть титул, выше которого только королевский. А власть слишком обременительна и приводит к ранней седине.

— Деньги?

— Сколько? — дотошно уточнила я.

Кажется, у Эдны в этот момент случился сердечный приступ.

— Гм... — Эдельгар сделал вид, что задумался. — А сколько вас устроит?

— Ну нет, так дела не делаются. Сперва обозначьте цену, а там уже я решу, вступать с вами в заговор против вас же или жить спокойно и вышивать цветочки.

В зелёных глазах принца плясали бесенята.

— Почему-то мне кажется, что вы не поклонница вышивания.

Я потянулась к его уху и громко зашептала:

— Знаете, мне тоже так кажется.

Удивительно, до чего же легко было с ним рядом. Просто болтать о всякой ерунде, сыпать шуточками и не думать ни о каких тревогах. Я не была совсем уж душой и прекрасно понимала, что это значит, когда мужчина вызывает у тебя желание улыбаться и смотреть на него, не отрывая взгляда. Принц Эдельгар понравился мне ещё там, в библиотеке, и с тех пор симпатия только крепла при каждой встрече. Он был не просто красив и приятен в общении, но ещё и казался... настоящим? Не скованным условностями двора, честным перед собой и другими.

До чего же разительное отличие от того, кто маячил перед закрытыми дверями моих покоев.

Я едва не зашипела, как раздражённый уж, заметив примелькавшийся белый камзол. Какого чёрта он тут делает? Меньше всего на свете мне бы хотелось, чтобы Эдельгар видел меня с этим хамлом.

Подскочивший было герцог Олбридж остановился и, секундно промедлив, сделал поклон.

— Мой принц. — Голубые глаза буравили мою руку, всё ещё лежавшую на локте Эдельгара. Вместо того, чтобы устыдиться, я положила туда и вторую. — Ужасная неприятность, счастлив, что всё обошлось. Заверяю, что моя невеста не причастна к этому происшествию.

Подотришь своими заверениями, подумала я. Злость полыхнула так, что зарделись кончики ушей. Как он смеет называть меня невестой? Раньше делал вид, что они с Айрис вообще не знакомы, а тут поглядите-ка, признал наконец.

Кажется, тот же вопрос занимал и принца, потому что лицо у него сделалось слегка озадаченное.

— Вы зря пришли, — сказала я раньше, чем горе-жених всё испортит. — Я перенервничала и нуждаюсь в отдыхе.

— Я ждал вас, чтобы пого...

— Вы не расслышали, сэр Леонар? — без улыбки спросил принц и сделал знак гвардейцам открыть для меня двери. — Леди Айрис нуждается в отдыхе. Не будем же ей мешать.

Камень, что был тёплым для меня, обратился скалой, на которую бесславно напоролся герцог Олбридж.

Глава 18

Бал оказался действием настолько чопорным и скучным, что второй отравитель ничего бы не испортил, а только внёс нотку оживления.

Я с настороженностью следила за королевой. Неужели она тоже будет танцевать? И действительно — с лицом белее снега она вступила в ряд, высоко держа подбородок.

Его величество, в отличие от несгибаемой супруги, танцами пренебрёг. Мутноватый взгляд без интереса скользил поверх голов, король то и дело давил отрыжку. Старичку бы прилечь, подумала я, глядя, как он всё ниже съезжает в парадном кресле.

Королева изящным жестом подала руку своему... Впрочем, неправильно было бы называть принца Эдельгара её сыном. Его мать, королева Лавена, покоилась вечным сном в усыпальнице под дворцом.

Их руки скрестились, как хвосты скорпионов. Медленное кружение танца лишь усилило впечатление — в каждом жесте сквозила угроза. Она тонко улыбалась, похожая на лисицу, даже сказала что-то. Принц не ответил.

Они опасны друг для друга. Если король умрёт, ничто не помешает Эдельгару отослать мачеху куда подальше. В то время как королева Бри спит и видит, как бы сжить со свету пасынка — тогда её сын станет кронпринцем, а сама она, схоронив мужа, захватит пост регентши, отодвинув в сторону советников и министров.

Айрис мало знала о тех событиях. Её в то время несколько больше занимало, как выбраться из сырой тюремной камеры, чем чехарда у трона. Вонь плесени, гнили и человеческих тел до сих пор стояла в носу.

Сложные фигуры танца казались знакомыми. Под звучание скрипок и флейт я невольно дрыгала ногой, но присоединиться не могла — помолвка ограничила меня единственным партнёром. Держаться за руки с ним тяги не было.

В отношении мужчин правила не были столь строги — вот и сэр Леонар в трёх метрах от меня самозабвенно кружил какую-то пышногрудую дворяночку. Наткнувшись на мой взгляд, он наступил ей на ногу. Холодно улыбнувшись, я почувствовала нестерпимое желание ударить его током ещё раз. Просто так, для остротки.

Когда король, ни разу не вставший с кресла, утомился от танцев, его сопровождали в трапезную. А следом пёстрой кавалькадой двинулся круг ближних придворных. Слава богу, ни мой благоверный, ни Ханна в него не входили.

Толпа со скоростью улитки перетекала из бального зала в столовый. Я заметила макушку Радвина — братец уродился на редкость долговязым, — и протиснулась к нему. Сделать то же самое в кринолине было бы невозможно. Хвала моей предусмотрительности!

— Отец хочет запереть меня в четырёх стенах, — сказала я, вынуждая его склониться ниже. — Что делать?

— А я предупреждал, — тоскливо отозвался Радвин.

Мне показалось, что часть этих эмоций связана вовсе не со мной, а с тем, что Ханна Эплбри на ужин доступа не имела.

— Предупреждал ты меня прошлую. Глупая девчонка была несдержанна на язык.

— Всего полдня прошло.

— Опасность ускоряет развитие. — Я похлопала его по руке: — Но я серьёзно. Как заставить его передумать?

Долгий взгляд Радвина сказал то, о чём я и так знала: никак. Возможно, сработали бы угрозы... Но тогда и отца ничто бы не удерживало от сонных капель, случайно пролитых над моим графином.

Воображение живо нарисовало картину, как моё бесчувственное тело тащат по коридору, пару раз нечаянно уронив. Слюна течёт по щеке, руки болтаются, подол задрался... И всё это — на глазах у принца.

Я вздрогнула. Нет, плохой вариант. Тем более, что через пару недель всё повторится, только с другим маршрутом. И финальной точкой его будет имение герцога Олбриджа.

И почему никто не пытается отравить *его*? Ей-богу, я бы и слова не сказала, даже если бы в его тарелку подсунули гадюку.

Пребывая в брюзжащем настроении, удовольствия от еды я не получила. Как и во время обеда, каждое блюдо сперва демонстрировали королю — и только потом несли на общий стол. Иногда он отщипывал кусочек-другой, но чаще отмахивался с равнодушным видом. Ощущение, что нам подают какую-то некондицию, аппетита не добавляло.

Как и тот факт, что два дегустатора в смешных шапочках с пером пробовали лишь те блюда, которые выбрал кто-то из королевской семьи.

В сад шли неохотно, даже представление с огнями не могло компенсировать осенний холод. В стылом воздухе дыхание обращалось в пар. Женщины прятали руки в горностаевых муфтах, мужчины кутались в плащи. Отдельные самоуверенные юнцы щеголяли в тонких камзолах — что ж, земля им пухом.

Я тёрла нос и завидовала жонглёрам. На контрасте с факелами ночная тьма казалась совсем непроглядной, хотя на горизонте небо ещё выцветало серым.

Подогретое вино не успевали приносить, так быстро его расхватывали. Радвин припас для меня бокальчик, заслужив благодарную улыбку. В тёмной жидкости отражались блики огней. Поболтав вино, я осторожно пригубила — сладкая пряность разлилась по языку, разгоняя застоявшуюся в жилах кровь.

Повеселев, я отошла от основной части придворных. Возле увитой полысевшим виноградом беседки устроили ещё одно развлечение — на широких лентах развесили зеркала. Края их сталкивал ветерок, мелодичный перезвон звучал дудочкой крысолова, заманивая к себе. Я не хотела противиться.

Масляные светильники заключили в разноцветные фонари, свет играл в отражении, красил кожу в изумруд и рубин.

Подойдя ближе, я толкнула овальное зеркало в ажурной раме. То завертелось волчком, а когда остановилось, в отражении было уже два лица.

Глава 19

От испуга я замерла на месте как вкопанная. Человек, что из ниоткуда возник за моим плечом, вызывал инстинктивную дрожь, хотя облик его был скорее привлекательным, чем пугающим. Мужественное лицо с резкими чертами, густые светлые волосы, плащом струящиеся по плечам... В цветных отсветах фонарей было не ясно, седой он или просто светловолосый. Скулы, о которые можно порезаться и высокий умный лоб — всё в нём выдавало потомственного аристократа. Чёрный с серебром камзол подчёркивал широкие плечи. Ни шрама, ни уродства, ни физической немощи — ничего такого, что обычно пугает людей.

Оторопь вызывали глаза. Вытянутые к вискам, пронзительные и тёмные. Взглянув в них, я испугалась, что не вынырну обратно. Огни отражались и множились в них, заволакивая.

Посмотришь однажды — и станешь бабочкой на булавке.

Знакомое ощущение.

— Мессир Вальде, — сказала я тихо. Язык не слушался. Всё моё существо кричало, что нужно немедленно притвориться трупом и лежать так, пока он не уйдёт.

— А вы спокойнее предыдущих. — Голос мага — холодный шёлк — обвился вокруг моей шеи и стиснул. Я сглотнула, прогоняя спазм. — Даже не впали в истерику.

Волоски на затылке зашевелились. Так чувствует себя мышь, схваченная удавом.

В Дариане Вальде и правда было что-то змеиное.

Переживания так захватили меня, что значение слов доходило с опозданием.

— Предыдущих? — спросила я и подняла бровь, изо всех сил пытаюсь казаться уверенной. — Что за странное у вас развлечение, подкрадываться к дамам.

Верховный маг улыбнулся одними губами:

— Я о предыдущих вас, Айрис. О тех, кто пытался занять это тело до вас, но потерпел неудачу. Восемь удивительно нервных женщин. Девять всегда было особенным числом, быть может, на нём и выйдет остановиться.

Стало так тихо, что я слышала собственное неровное сердцебиение. Огни, музыка, гомонящие люди, упившиеся вина — всё это отступило на задний план, будто скрытое толщей морской воды. Даже на языке жил вкус железа и соли.

Я очнулась и поняла, что до крови прикусила губу.

— Не понимаю, о чём это вы, — холодно ответила я, собираясь уйти. Внешняя невозмутимость дорого давалась, колени едва не тряслись.

«Нужно поскорее сбежать и найти принца. С ним я буду в безопасности».

Так ребёнок во время пожара прячется под кроватью.

Рука мессира Вальде обвила мои плечи и прижала, заставляя остановиться. Жест человека, уверенного, что имеет на это право. Железная хватка мало не смяла кости.

— Осторожность делает вам честь. — Теперь он смотрел на меня прямо, не через отражение. От его волос пахло холодом. — А теперь будьте пайнкой. Мне известно, что вы не настоящая Айрис Вилфорт.

Чем страшнее мне становилось, тем больше была решимость ни в чём не сознаваться. Даже ему будут нужны доказательства, чтобы обвинить меня.

— А какая же, игрушечная? — Я попыталась отодвинуться, но маг держал крепко. Получилось только глупо трепыхнуться. — Любой подтвердит мою личность. Можете спросить моего брата или отца, они скажут то же самое. С чего вам вообще пришла в голову такая нелепая мысль?

Мессир Вальде склонил голову. Улыбка наконец-то достигла его бездонных глаз.

— Как же ей не прийти, дорогая леди Вилфорт, — медленно проронил он, смакуя каждое слово, — если моими усилиями вы здесь и оказались.

Глава 20

Кабинет сэра Броуза кричал, что вам здесь не рады. Комнаты же, отведённые под нужды верховного мага и Первого советника Регелана, напоминали хищный цветок: сперва заманивает красотой, а потом — клац! — и пути к отступлению перекрыты.

Ни разу в жизни я так не сочувствовала мухам.

Мессир Вальде буквально выкрал меня, не дав сообщить ни Эдне, ни брату, куда мы направляемся. Он не особенно скрывался, но редкие придворные, что попадались на пути, сами отводили глаза и реагировали на нас не больше, чем на пылинку в воздухе.

И всякий раз, когда это происходило, я чувствовала, как от мага расходится волна, похожая на дыхание прохладного ветерка. Но ни один ветер, даже самый холодный, никогда не вызывал у меня ощущения крошечных разрядов по коже. Касание чужой силы волновало и тревожило одновременно.

Он много знал и много умел. Он имел такую власть, что может превзойти только королевская. Он мог игнорировать праздник в честь монаршего младенца, в конце-то концов.

Зачем ему я?

Возникающие ответы выглядели неутешительными.

Ферзь обращает внимание на пешку, только если хочет ею пожертвовать.

Гвардейцы у дверей смотрели стеклянными глазами. Мессир сам открыл двери и пропустил меня первой.

Я заморгала. После мрака коридоров яркий свет причинял боль. Все доступные поверхности здесь были уставлены свечами, в углах на длинных цепочках висели ряды тонкостенных фонариков. Свободным оставался лишь тяжёлый письменный стол, да и то, на нём красовался подсвечник в виде трёх перевитых змей. Ноги мягко ступали, утопая в ворсе ковра, диваны и кресла завлекали прилечь. Здесь светло как днём и заметно теплее, чем в остальных помещениях дворца. Заледеневшие ноги быстро отогревались.

— А вы знаете толк в комфорте, — сказала я, лишь бы разорвать давящее молчание.

— Долгая жизнь учит ценить маленькие радости, — отозвался он вполне светским тоном и пододвинул самое удобное на вид кресло, расшитое сиреневыми цветками по серебристому фону. — Присаживайтесь, Айрис. Нас ждёт увлекательная — для вас — беседа.

— А для вас?

— Повторять из раза в раз одно и то же бывает утомительно.

У него была странная манера речи, сбивающая с толку. Лёгкий налёт иронии сквозил в каждом слове, не давая понять, когда он шутит, а когда говорит серьёзно. Играет, как кошка с мышкой, подумала я, усаживаясь. Кресло и впрямь оказалось восхитительно удобным, даже растрёпанные чувства не помешали это заметить. Расслабив уставшую спину, я почувствовала себя немного увереннее.

Ну не сожрёт же он меня, в самом деле.

Надеюсь.

Я думала, что он устроится за столом, как сэр Броуз, но маг вместо этого расположился в кресле напротив, забросив ногу на колено и сцепив руки на поясе. Он ходил без перчаток, длинные пальцы сверкали кольцами — слишком не сочетающимися, чтобы заподозрить в них обычные украшения. Длинные пряди молочно-белых волос доходили до груди. Цвет совсем не похож на седину, да и лицо молодое, не более тридцати-тридцати пяти.

Глубокий вдох был пропитан запахом растопленного воска.

— Полагаю, у вас накопилось много вопросов, — побуравив меня чернящими глазами, сказал маг. — Спрашивайте.

Это был коварный ход. Вопросов было такое великое множество, что попытка выбрать что-то на полминуты парализовала меня. Дрожащие язычки огней отвлекали. Я пока не понимала, друг он мне или враг — в том своеобразном смысле, который применим в отношении инструмента.

— Чего вы хотите? — наконец спросила я. — Конечная цель, ради которой я здесь.

Мессир Вальде опёрся головой на руку и постучал по виску пальцем.

— Любопытно, — сказал он, щурясь. — Вы начали с этого, а не с того, кто вы и откуда?

— А это важно?

— Не для меня. Однако, предыдущих интересовала их родословная куда больше, чем практические вопросы. Что с вами не так?

— Как грубо... — пробормотала я и задумалась.

Ведь и правда, с того самого момента, как я открыла глаза в спальне на втором этаже «Голубых холмов», мысли о прошлом меня мало тревожили. Воспоминания Айрис заполняли пустоту, а единственное, что связывало меня с прошлым — это один и тот же сон без особого содержания. Была ли у меня семья? Друзья? Я помнила детали мира, в котором люди укротили электричество вместо магии, но понятия не имела, чем жила, с кем проводила время и как выросла.

И самое странное, что меня совсем не тянуло узнавать это. Как будто прошлое затаилось за дверью, которую лучше не открывать.

Я поёрзала в кресле, нерешительно глядя на мага.

— Давайте сперва о деле.

— Хорошо, — он отреагировал так живо, будто заранее знал ответ. — Мне нравится ваш подход. Итак, как уже поведала вам память настоящей Айрис, наш дорогой кронпринц находится в опасности. В этом нет ничего необычного, история Регелана насчитывает десятки имён тех, кто отправился в мир иной от удара кинжалом, яда и неудачного падения с крепостной стены. Жизнь наследника престола всегда идёт рука об руку со смертью, что поделать. — Мессир Вальде поджал уголки губ в наигранной улыбке. — К сожалению, принц Эдельгар — не обычный рядовой кронпринц, которого без проблем можно заменить другим. Мальчик родился на стыке звёздных узлов и судьба его неразрывно связана с судьбой королевства. А через неё проходит сквозь века, как снежный ком собирая последствия. — Взгляд его на секунду расфокусировался, будто он прямо сейчас заглядывал сквозь завесу времени. Потом снова стал чётким и упёрся в меня, не моргая: — Дорогая Айрис, вы даже не представляете, что сотворили сегодня, устроив хаос на званом обеде. Не только принц обязан целовать ваши ручки, рассыпаясь в благодарностях, но весь континент на поколения вперёд.

Мысль об Эдельгаре, целующем мои руки, очень невовремя встала перед глазами. Я нахмурилась, пытаясь отогнать слишком приятное видение:

— Если вы знали о покушении, то почему не остановили сами? Вас там вообще не было. Событие мирового масштаба, а вы спихнули всё на меня, которая заметила отравителя по чистой случайности. Что-то не сходится.

— Наблюдательность и логичность идут вам в плюс. Самоуверенность при недостатке знаний — в минус, — расслабленно отозвался мужчина. — Перемещение сущности из одного мира в другой рождает новую версию мира. И все изменения, что в ней могут произойти, завязаны на этой самой сущности. Вы камень, брошенный в воду, дорогая Айрис. Чем ближе к вам, тем сильнее круги. Скажем, на южной оконечности материка всё идёт своим чередом, его затронут лишь масштабные изменения, эхо сегодняшних перемен. В то время как ваше личное вмешательство может эти перемены инициировать. — Он поиграл пальцами, блеск колец привлекал внимание. — Мои попытки лично остановить отравителя приводили лишь к тому, что принц умирал иными путями. И восемь ваших предшественниц тоже не справились. У каждой рано или поздно обнаруживалось досадное скудоумие. Они влюблялись и ради встречи с

любовником оставляли свой пост. Ленились, забывали про обязанности, становились рассеянными и вялыми. И допускали фатальную ошибку, стоившую Эдельгару жизни. Приходилось избавляться от них и начинать сначала.

Он говорил о них, как о неудачных глиняных заготовках, опавших на гончарном круге. Не жалко смять в лепёшку и попробовать снова.

И я для него — такая же. Гвоздь, который можно выкинуть, если согнулся от косого удара.

Инструмент. Пешка, у которой нет своего лица.

Айрис номер девять.

— Тогда почему вы думаете, что я буду вас слушаться?

— Вам не нравится принц Эдельгар? Нет желания его спасти?

Я закусила кончик языка. Принц, возможно, мне даже больше, чем просто нравился, но ему знать об этом не обязательно.

— Мало ли, кто кому нравится, — надеюсь, это ворчание смогло его обмануть, — всё это лишние сантименты. А суть в том, что вы насильно забрали мою жизнь, сунули сюда и...

— Забрать можно лишь того, кто не держится за жизнь, — перебил он без выражения. — Будь у вас хоть малейшая причина остаться, ритуал бы сорвался.

На ум пришёл тот сон, что всё время меня донимал. Улица, высотки, горячий асфальт. И ощущение неминуемого конца, острой тоской сжимающее сердце. Раньше я думала, что вижу последний миг перед своей смертью там — и это казалось логичным.

— Я не хотела жить? — вырвалось само собой. — Почему?

— Что за вопрос? — Лорд Вальде так нахмурился, будто я спрашивала, какого цвета исподнее короля. — Вам лучше знать.

— Откуда? Я же не помню ничего о себе.

— Значит, не хотите вспоминать. Перенос стирает формальные детали, оставляя важное. Вы могли забыть имя, какой у вас почерк или во сколько лет перестали сосать палец. Остальное при вас. И если вы не вскрываете этот тайник, то лишь по собственным причинам, магия здесь не при чём.

— Кстати, об этом... — Я решила, что должна извлечь хоть какую-то пользу лично для себя из общения с этим человеком. — Вы научите меня магии?

— У Айрис слишком слабый дар, — отмахнулся он с таким пренебрежением, будто я предложила ему купить деревянных башмаков и горсть песка. — Магия для неё невидима и бесполезна.

— Я ударила человека молнией.

Мессир Вальде осёкся. Кажется, мне наконец-то удалось по-настоящему его удивить. В груди разлилось тёплое чувство, окрашенное самодовольством.

— Что-что вы сделали, простите?

— Ну не прям молнией... — признала я. — Так, небольшой разряд. Ткань прожгло насквозь, но человек жив-здоров. К сожалению... И ещё я чувствовала вашу магию, когда мы шли.

Маг оставался внешне спокойным, но по каким-то микроскопическим приметам я заметила, что он заинтересован.

— Так-так, — проговорил он, — а что насчёт этого?

В первое мгновение ничего не происходило. Я успела решить, что он устроил испытание от обратного — ничего не будет делать, чтобы поймать меня на лжи.

Но потом в сторону от него потекли струи направленной силы. Незаметные, если смотреть на них, но на краю зрения дрожащие, как воздух над горячей плитой. Сила текла в сторону высокого графина, стоявшего на столе.

— Вы что-то делаете с водой, — предположила я.

— Что именно? — Он чуть подался вперёд.

— Без понятия.

Интерес, разгоревшийся было в нём, сразу угас. Отчего-то я была разочарована собой, хотя задача впечатлить Дариана Вальде на повестке дня не стояла.

— Что же, это гораздо больше, чем ничего, — сообщил он. От снисходительности тона заныли зубы. — С этим можно работать. Не думал, что из мира без магии удастся выловить одарённую. Значит, придётся немного изменить планы. Я сообщу о них позже.

Он замолчал, давая понять, что на сегодня аудиенция закончена.

Трещали фитили свечей, по запотевшему графину ползли капли. Молчание между нами сгустилось, как тишина перед грозой, накрывающая пологом леса и поля.

— А если я не стану подчиняться? — Мой тихий голос почти не дрожал. — Что тогда?

— Вы достаточно умны, Девятая, чтобы уже догадаться самой, — ответил мессир Вальде, сбрасывая маску иронии. Теперь на меня смотрел кто-то иной, древний и жуткий, чьё имя скрывалось под прахом времён. — Моими силами вы пришли в этот мир. Если я прекращу их вливать, вы просто исчезнете.

Приглашаю в новую историю от Киры Легран: искромётный юмор, приключения и самая беспринципная попаданка на свете!

Читать здесь: <https://litnet.com/shrt/JqO7>

Глава 21

Эдна при виде меня едва не лишилась чувств от радости. Несчастливая женщина сбилась с ног, разыскивая госпожу, и уже была готова бежать к Радвину, когда я наконец явилась. Не дав мне ничего делать самой, она усадила меня перед трельяжем и вынимала шпильки из волос, выговаривая за безрассудство.

— Исчезла! Ну, думаю, как же так — только что здесь была и вдруг пропала. Как сквозь землю провалилась.

Стыдно заставлять хороших людей волноваться. Мелькнуло: а была ли хорошим человеком я? Вальде сказал, что я всё могу вспомнить, просто не хочу.

От счастливых воспоминаний так не шарахаются.

Разговор с ним оставил привкус горечи. Отчего-то сейчас моё одиночество ощущалось особенно сильно. У меня был брат — который не знает, что я не его сестра, а паразит, занявший тело. Был жених, глупый и жестокий. И союзник, который в любой момент может отправить меня в небытие.

Я с тяжёлым вздохом съехала в кресле вниз. Только светлый образ Эдельгара грел сердце в этой непроглядной полярной ночи. Он добр ко мне, а не к Айрис — её он даже не знал толком. Так мне хотелось думать, во всяком случае, и даже если это было не более, чем самообманом растерянной женщины, я не собиралась от него отказываться.

Не знаю, сколько правды было в том, что сообщил Вальде, но в одном сомнений не было — принцу угрожает опасность. И попыткой отравления всё не закончится.

Я должна жить, чтобы жил он.

Он должен жить, чтобы жила я.

— Что такое, госпожа? — забеспокоилась Эдна. — Утомились?

— Очень, — честно ответила я. — Хочу проспать пару лет.

Утро выдалось из тех, когда мыслишь особенно трезво. Я решила, что не могу доверять магу полностью — ложь стоит недорого. Стоит быть с ним поосторожнее. Приглядеться, выяснить, нет ли у всесильного мессира Вальде каких слабых мест. А ещё — использовать его в своих интересах.

В окнах занимался рассвет. Сон ещё не расцепил своих цепких лап, когда в комнату вторглась Эдна в сопровождении трёх дюжих слуг и двух горничных. Она суетливо поклонилась:

— Простите, госпожа, ваш отец распорядился выехать немедленно. Экипаж уже заложен.

Они рассыпались по комнате, как горох, хватая мои вещи и укладывая их в распахнутые сундуки.

— Что? — я растерянно вертела головой. — Подо... Подождите. Да стойте же! — От моего вопля все замерли. Один из слуг застыл с открытым ртом. — Эдна, я отменяю его распоряжение. Оставьте всё, как было.

Женщина заметно растерялась.

— Но герцог...

— Ты служишь мне, а не герцогу, — веско проронила я. Это было правдой лишь формально, зарплату-то ей платил он.

— У нас приказ, леди, — вдруг прогудел один из слуг сипловатым басом. — Извиняйте.

Видя, как в развернутом нутре сундуков исчезают вещи, я едва не завизжала от злости. Бессилие — самое отвратительное из чувств.

— Мне нужно одеться, — сказала я Эдне, — неси платье. Господа, вы же не намерены оставаться в комнате, пока дама совершает туалет?

Господа неуверенно покивали, сбитые с толку таким обращением.

— Вот, как мы поступим, — сказала я, покусывая губу, — сейчас вы возьмёте один сундук и обнаружите, что он невероятно тяжёл. Настолько, что даже три человека будут тащить его чрезвычайно долго. За этот самоотверженный труд каждый из вас получит по монете.

— Какой? — дотошно уточнил самый кряжистый из них. — За медяшку рисковать...

— Серебряной, — отрезала я. — А теперь ступайте.

Когда за ними закрылась дверь, Эдна покачала головой:

— Что это вы затеяли, госпожа? Всё одно подчинитесь, герцог от своих слов не откажется. Уж кому знать, как не вам. Только время тянете. Дворцовые что скажут, то и сделают, дочь герцога им не указ.

Я плеснула в лицо прохладной водой из чаши.

— Тогда я обращусь к тому, кто указ.

Пессимизм Эдны только подстегнул меня. Герцог Вилфорт привык к покладистой дочурке, которая и слова против не скажет. Ха! Добро пожаловать в новую эру, папуля. Твоя дочь стала взрослой — и очень, очень самостоятельной.

Глава 22

Наскоро одевшись, я убедила Эдну остаться внутри, чтобы задержать слуг, если те вздумают меня послушаться.

Во дворце было по крайней мере одно лицо, живо заинтересованное в том, чтобы я не уехала в скоропостижное замужество. Именно его я и собиралась найти.

Покои мессира Вальде располагались в лучшей части дворца, недалеко от королевских. Я быстро пересекала один зал за другим, предполагая застать его ещё в кровати, если такие обыденные вещи как сон его вообще интересовали. Солнце едва-едва встало. Дворец уже проснулся, но лишь та его часть, что отвечала за комфорт и благоденствие господ.

Слуги удивлённо провожали взглядом герцогиню, что спозаранку неслась куда-то как ошпаренная. Нужно попросить мессира Вальде научить меня тем чарам, что отводят внимание.

Высокие двери выглядели неприступно. Гвардейцы, что несли караул, встретили появление гостьи с каменными лицами. Поглядывая на их алебарды с невольным трепетом, я постучала.

Ничего.

Я постучала снова, прибавив усилий.

Результат тот же.

А ведь прямо сейчас мои пожитки уже могут грузить в карету...

Я забарабанила изо всех сил, отбивая кулак о дерево.

Один из гвардейцев, глядя на мои старания, неловко кашлянул:

— Госпожа, лорд Вальде никогда не принимает по утрам, — он говорил шёпотом. Даже это было непростительной дерзостью. Обратившись к даме без разрешения, он рисковал вылететь со своего тёпленького местечка. Наверное, вид у меня был совсем отчаянный.

— У меня к нему дело, — ответила я и забарабанила с утроенными усилиями. А когда боль в руке стала невыносимой, развернулась и продолжила каблуком. — Да просыпайтесь же вы!

Вместо нужных мне дверей распахнулись другие, дальше по коридору.

— Что... — Сонный Эдельгар выглянул, недоумение и раздражение мешались на его лице. Он заметил меня и удивился: — Миледи?

Я бросилась к нему. Опомнилась и перешла на быстрый шаг, чтобы не потерять лицо окончательно. Принц был без камзола, в тонкой батистовой рубаше, каштановые кудри лежали в беспорядке. От него веяло таким теплом, что я с огромным трудом удержалась, чтобы не кинуться ему на грудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.